

Миронов Б. Н. Развитие без мальтузианского кризиса: гиперцикл российской модернизации в XVIII—начале XX в. // О причинах русской революции / Л.Е.Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков (ред.). М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 285—350.

**Развитие
без мальтузианского кризиса:
гиперцикл российской
модернизации
в XVIII – начале XX в.**

Б. Н. Миронов

В ходе дискуссии на две мои статьи поступило шесть комментариев. Ответы на высказанные замечания и соображения.

М. А. Давыдов: против дилетантизма в науке

В лице М. А. Давыдова – единственного профессионального историка-русиста, участвующего в дискуссии, тезис о позитивной динамике российского сельского хозяйства и уровня жизни крестьянства получил сильную поддержку. Последняя весьма потому, что эксперт многие годы занимается аграрной историей пореформенной России, прекрасно знает источники и историографию и является, можно сказать, одним из последних могикан когда-то сильной школы аграрной истории, пришедшей в постсоветское время в упадок. Критика построений С. А. Нефедова и приводимые аргументы в пользу отсутствия мальтузианского кризиса в пореформенной России весьма убедительны и его нарекания на небрежность в ссылках и некорректность расчетов справедливы. М. А. Давыдов доказал на *новых*, как нарративных, так и статистических источниках, как и почему официальные сведения о сборе хлебов и картофеля занижались. Впечатляют тонкие расчеты сведений по статистике перевозок, показывающие, что преуменьшение сборов было особенно заметным в неурожайные годы.

Эксперт убедителен в том, что пауперизм и санитария – вещи несовместимые. Голодному человеку не до гигиены, он съест что угодно и где угодно, не останавливаясь даже перед каннибализмом. Только сытый человек может прислушаться к санитарной пропаганде и найти деньги для покупки мыла и карболки. Сам факт использования санитарных средств – надежное свидетельство именно повышения уровня жизни крестьянства, а

не его обеднения.

Корректность статистических расчетов М. А. Давыдова, доказывающих, что голодный экспорт в условиях рыночной экономики – нонсенс, не вызывают сомнений. Против идеи «голодного» экспорта – краеугольного камня построений С. А. Нефедова, приводятся особенно убедительные как теоретические аргументы, так и эмпирические данные. Во-первых, доля внешнего рынка, достигнув максимума во второй половине 1889–1893 гг. – около 22% от чистого сбора хлебов, в последующие годы имела тенденцию снижаться, опустившись до 15% в 1909–1913 гг. Во-вторых, 81,9% прироста вывозных перевозок всех хлебных грузов в конце XIX–начале XX в. приходилось всего на семь степных губерний, которые имели огромные избытки товарного хлеба. В-третьих, крестьянство получало от государства существенную помощь во время неурожая. В-четвертых, крестьяне расходовали огромные деньги на водку даже в голодные годы: жители лишь 12-ти из 90 губерний России всего за два неурожайных года, 1905–1906 гг., выпили водки на сумму, намного превышающую стоимость всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи вместе взятых.

В теоретическом плане заслуживают внимания соображения М. А. Давыдова о несовместимости в политико-экономическом плане рыночной экономики и голодного экспорта и о роли случайности в истории. Все современные исторические и социологические концепции, от теории неомодернизации до синергетики, отводят видное место случайности, и весьма полезно, что он нам об этом напомнил.

Дискуссия, начавшись с частного вопроса о мальтузианской ловушке, заканчивается обсуждением проблемы причин революции в конкретно-историческом и теоретическом ракурсах – каждый новый участник дискуссии поднимал уровень обсуждения все выше и высказывался все страннее. У последних из поступивших мне комментариев, принадлежащих Л. Е. Гринину и М. А. Давыдову, тема причин революции заняла ведущее место.

Главные причины, которые, по мнению М. А. Давыдова, тормозили социально-экономическое и политическое развитие России и косвенно, а иногда и прямо порождали революционные настроения, сводятся к пяти.

(1) *Искусственная поддержка по идеологическим соображениям уравнительно-передельной общины со всеми вытекающими последствиями.* Эксперт, на мой взгляд, совершенно правильно указывает, что до начала XX в. «власть провела почти все меры по поддержанию общинного строя, о которых много лет твердила народническая – и не только! – интеллигенция: отмену 165 ст. Положения, удлинение срока выкупа, ограничение семейных разделов, ограничение свободы передвижения крестьян и др. Эти меры принудительного, крепостного, в сущности, порядка тормозили естественный процесс перехода русской деревни к новой жизни».

(2) *Война*. Колоссальное влияние войны с Японией, а затем Первой мировой войны на развитие революционных настроений отмечали исследователи всех идеологических ориентаций – от В. И. Ленина до В. М. Пурешкевича. В современной литературе этот фактор в объяснение революции 1917 г. вышел на первое место.

(3) *Агрессивная русификация*. Здесь целесообразно сделать одно добавление. Долгое время в историографии русификацией назывался процесс централизации управления, юридических и общественных порядков на всей территории империи – то, что было совершенно необходимым при проведении модернизации в любой стране. Аналогичные процессы в других странах под названием германизации, «офранцузивания» и т.п. также вызывали недовольство и протесты. Но в России масштабы национальной проблемы были на порядок выше, политика проводилась менее тонко, соответственно и последствия оказались серьезнее (Миронов 2003б, 1: 42, 63). Хотя не следует забывать, что масштабы собственно русификации в литературе часто преувеличиваются: число лиц, считавших русский, а также украинский и белорусский язык родным, в пореформенное время уменьшалось (Миронов 1991: 87–88).

(4) *«Боязнь просвещения, идущая из крепостнической эпохи»*. Полагаю, что если этот страх в крепостное время и был, то после Великих реформ на уровне большой политики прошел. Не случайно в 1908 г. был принят закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, полной реализации которого помешала война (Миронов 1991: 73–87). О том, что в пореформенное время потребности людей в получении грамотности практически полностью удовлетворялись, говорит следующий факт: в конце XIX – начале XX в. сотни тысяч людей, обучившиеся в детстве грамоте, с возрастом ее утрачивали из-за того, что в своей повседневной жизни ее не использовали.

(5) *Раскол образованной элиты и народа в бытовом, юридическом, экономическом, культурном и психологическом отношениях* – «создание для десятков миллионов крестьян своего рода особой действительности, особого мира». Этот чрезвычайной важности фактор подробно рассмотрен в моей книге «Социальная история» (Миронов 2003б, 2: 292–295).

Л. Г. Бадалян и В. Ф. Криворотов: Структурно-демографическую теорию следует проверять в мировом масштабе

Авторы совершенно резонно предлагают привлечь европейский и американский материал для понимания природы мальтузианского шока. Их позиция близка к моей, поскольку суть их комментария сводится к положениям, которые я также разделяю.

Во-первых, мировой опыт показывает, что падение душевого потребления далеко не всегда приводит к снижению уровня воспроизводства населения.

Во-вторых, сама по себе динамика населения недостаточна для вывода о существовании мальтузианского кризиса.

В-третьих, Россия в пореформенное время была открытой системой благодаря миграции в города, колонизации, экспансии, вовлеченности в мировой рынок и международное разделение труда. Вследствие этого вместо кризиса в стране произошел демографический бум.

В-четвертых, индустриальная революция позволяет выйти на новый ресурсный рубеж и постепенно приводит сначала к смягчению и укорочению, а затем и к устранению мальтузианских кризисов. Откуда следует, что поскольку Россия во второй половине XIX в. вступила в эпоху индустриальной революции, то мальтузианская ловушка стала для нее менее вероятна и опасна.

С. В. Цирель: Модернизационная парадигма лучше объясняет историческую динамику России, чем структурно-демографическая теория

С. В. Цирель, на мой взгляд, правильно вскрыл слабые места построений С. А. Нефедова, подверг сокрушительной критике некорректное применение структурно-демографической концепции к анализу развития России и убедительно показал, что концепция не работает в российских реалиях XVII – начала XX в. «Российский демографический цикл XVII-XIX вв. кардинально отличается от циклов, известных в истории». Попытка С. А. Нефедова учесть теорию модернизации фактически означают признание неспособности структурно-демографической концепции дать удовлетворительное объяснение принципиальных событий новой истории России, ибо «модернизация при любом понимании ее содержания становится более важным фактором демографического процесса, чем мальтузианское правило. <...> Теория модернизация, даже в ее марксистском изводе, лучше объясняет революционные события, чем структурно-демографическая концепция»..

От демографического цикла остается только аграрное перенаселение, полагает С. В. Цирель. Думаю, что и перенаселение правильнее трактовать не в ракурсе структурно-демографической концепции, а в рамках теории крестьянского хозяйства А. В. Чаянова. Так называемое перенаселение существовало не вследствие недостатка земли и невозможности найти работу, а ввиду того что российские крестьяне следовали принципам моральной экономики, поддерживая самоэксплуатацию на уровне 50% (подробнее об этом ниже).

С. В. Цирелю кажется, что неточность в урожайной статистике носит

скорее случайный, чем тенденциозный характер. Такое мнение резонно, потому что в данных, на которые он ссылается, налицо отклонения в обе стороны. Но, во-первых, не следует забывать, что сведения относятся к 1916 г. (а в условиях военного времени за их искажение можно было получить штраф) и только к посевам. Во-вторых, баланс неточностей все равно на стороне занижения, которое, несмотря на свою, казалось бы, незначительность (2–3%), дает дополнительное количество зерна, почти достаточное для покрытия дефицита, предполагаемого С. А. Нефедовым.

Эксперт отчасти разделяет идею голодного экспорта, наличие которого М. А. Давыдов подверг столь убедительной критике, что возвращаться к этой проблеме нет смысла. Замечу только, что изъятие хлеба на продажу «изо рта голодных детей» – вещь легендарная и маловероятная. Человек устроен так, что удовлетворяет потребности в порядке их важности, начиная с самых важных. У людей самое насущное – удовлетворение физиологических нужд. Уплата налогов, расходы на водку, керосин, спички или ситец несравненно менее настоятельно, чем спасение от голодной смерти. Поэтому продажа хлеба, необходимого крестьянской семье, осуществлялась только тогда, когда базисные биологические потребности были удовлетворены. Деревня переставала уплачивать подати в неурожайные годы (Безгин 2004: 185).

С. В. Цирель правильно заметил, что «на экспорт шла в основном пшеница, слишком дорогая для российской бедноты и заведомо производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке». Однако следует учесть, что и потребление «дорогой» пшеницы на душу населения с 1886–1890 гг. по 1911–1913 гг. увеличилось в 3,4 раза (с 1,3 пуд. до 4,3 пуд. в год). Возрастающие доли пшеницы в потреблении зерновых и картофеля с 12,3% до 27,3% безусловно свидетельствовало о повышении уровня жизни и качества питания всего населения в целом. Богатые ели пшеничный хлеб и ранее 1880-х гг., крестьяне в массовом порядке – только в пореформенное время (см. Табл. 1).

Табл. 1. Производство и потребление пшеницы населением России в 1886–1913 гг.

Годы	1886– 1890	1891– 1895	1896– 1900	1901– 1905	1906– 1910	1911– 1913
Чистое производство на д.н., пуд.	2,8	3,7	4,1	5,9	5,9	6,7
Продовольственные остатки на д.н., пуд.	1,3	2,0	2,4	3,5	3,3	4,3
Доля в потреблении зерновых и картофеля	12,3	16,9	17,8	23,7	25,0	27,3

Подсчитано по: Грегори 2003: 135–137.

С. В. Цирель совершенно правильно, на мой взгляд, предлагает четко разделять повышение уровня жизни и потребление калорий, потому что при увеличении доходов питание может ухудшаться, а при уменьшении – улучшаться. Именно поэтому целесообразно использовать антропометрические данные, которые учитывают баланс расхода и потребления.

«Критика метода пересчета картофеля в хлеб, сделанного С.А. Нефедовым, чересчур сурова, ибо по *Справочнику по детской диететике*, картофель уступает муке в 3,85–4,05 по калорийности и в 3,5–6 раз по содержанию белка». Эксперт допускает просчет, беря сведения из справочника о питании детей, где речь идет о муке пшеничной высшего сорта, а также о крупах, которыми кормят детей. Крестьяне ели преимущественно ржаной хлеб, который превышал картофель по калорийности в 2,3 раза, а по содержанию белка – в 3 раза (Покровский 1968: 337). Кроме того, качество продуктов со временем изменяется, поэтому правильнее ориентироваться на расчеты, сделанные в конце XIX – начале XX в., а не в 1970-е гг.

Мне не представляется убедительным мнение С. В. Циреля, что «удовлетворительные средние значения индекса массы тела новобранцев и увеличение среднего роста населения говорят лишь о том, что в среднем питание людей находилось в пределах нормы, но отнюдь не отрицают того, что отдельные области и слои населения могли крепко недоедать, а все продовольственное благополучие живущей в долг страны висело на ниточке, которая могла оборваться во время войн, климатических флуктуаций и внутренних катаклизмов». Даже в самой богатой стране какая-то часть населения не доедает, например в современных западных демократиях – примерно 10–15%, и какие-то регионы находятся в депрессии. Я не говорю о благоденствии российского крестьян, а лишь утверждаю: поскольку происходило увеличение веса и длины тела, то их биостатус и, значит, благосостояние в пореформенное время повышались. Что же касается продовольственного благополучия России, то оно «не на ниточке висело», а покоилось на твердом фундаменте – на огромном избытке хлеба сравнительно с потребностью, ибо в конце XIX – начале XX в. на экспорт уходило свыше 16–20% от чистого сбора зерновых и картофеля (Покровский 1902: 8; сведения об экспорте зерна приводятся также в статье М. А. Давыдова в данном выпуске Альманаха).

Я совершенно согласен с главным выводом С. В. Циреля, что «наиболее важная причина падения империи Романовых лежит за пределами рассуждений об уровне жизни крестьян». Этот вывод неизбежен: если уровень жизни повышался, то не в нем нужно искать причины революции – «в падении двух членов уваровской формулы – романовского самодержавия и православия». Однако разрушение идеологических основ империи про-

изошло не стихийно, а было тщательно и умело осуществлено оппозицией в борьбе за власть (подробнее об этом в другом параграфе).

**Л. Е. Гринин: Применение
структурно-демографической теории
для индустриализующихся стран
непродуктивно**

Эксперт полностью разделяет концепцию, согласно которой уровень жизни в поздней имперской России повышался и главную причину революции не следует искать в экзистенциальном кризисе. Подвергнув всесторонней критике построение С. А. Нефедова и косвенно П. В. Турчина, разделяющего взгляды последнего, Л. С. Гринин заключает: «В России не было типичного классического мальтузианского структурно-демографического кризиса, характерного для позднеаграрных стран... В России была уже крупная промышленность и зрелое государство. Структурно-демографическая теория, вопреки тому, что говорит П. В. Турчин, не объясняет в достаточной мере эти ситуации». Совершенно уместно и доказательно приводятся статистические сведения о динамике промышленности, о валовой и товарной зерновой продукции и ее экспорте. Эти данные, заимствованные из работы П. Лященко (известного эксперта по экономической и особенно аграрной истории России), хотя в последнее время уточнены П. Грегори, в принципе верно отражают основные позитивные тенденции развития народного хозяйства страны.

Заслуживают внимания дополнительные аргументы, приведенные экспертом в пользу повышения благосостояния населения: отсутствие в русской художественной литературе частых упоминаний о голоде и недоедании, а также рост потребления сахара и подсолнечного масла, можно прибавить также – пшеничного, более дорогого, но более калорийного и легче усвояемого хлеба (см. Табл. 1).

Интересное соображение Л. С. Гринина («часто революции происходили именно в период некоторого повышения уровня жизни населения») подтверждается примером Великой французской революции, свершившейся при отсутствии чрезмерной эксплуатации и обнищания населения (Чудинов 2007: 282).

По мнению эксперта, антропометрические сведения «заслуживают всяческого внимания, хотя, очевидно, что полностью полагаться на них было бы неправомерно». Разумеется, контрольные данные необходимы в любом случае. Однако *финальный рост, вес и индекс массы тела – лучшие критерии для ответа на вопрос, наступил ли мальтузианский кризис*. Даже прямые сведения о потреблении не могут его решить, ибо для этого нужна информация не только о потреблении энергии людьми, но и о ее расходе (последняя практически всегда отсутствует). Антропометрические данные оценивают именно баланс потребления и расхода калорий и

таким образом прямо отвечают на интересующий вопрос. Если длина тела постоянна, то базисные биологические потребности удовлетворяются на прежнем уровне, если увеличивается – то на более высоком уровне, и мальтузианского кризиса нет. Если рост уменьшается, то базисные потребности удовлетворяются в меньшей степени, чем прежде, и можно говорить о мальтузианской ловушке.

Предполагаю, что риторический вопрос: «Как можно говорить всерьез о том, что не было социального кризиса, когда Россию сотрясали революции, крестьянские волнения, кровавые рабочие забастовки и беспорядки?» – вызван аберрацией. Я не согласен только с идеей «перманентного социально-экономического кризиса» и полностью поддерживаю идею о временных циклических кризисах, существование которых в пореформенное время убедительно доказано (Первушин 1925: 209–213). Вполне разделяю и тезис о том, что относительное малоземелье придало революции размах. Однако как будет показано ниже, на самом деле малоземелье было псевдопроблемой. Во-первых, потому что наделы были достаточно велики, имелось много свободных земель, действовала программа переселений, а конфискация помещичьих и «кулацких» земель, на которые зарылись крестьяне, жалуясь на недостаток земли, могла увеличить их наделы примерно на 20%. Во-вторых, оборотной стороной малоземелья была низкая агротехника – западноевропейские земледельцы, имевшие в собственности столько земли, сколько русский крестьянин-середняк, были весьма зажиточны (см. интересные соображения на этот счет у М. А. Давыдова).

«Над обоими диспутантами их теория довлеет в большей степени, чем было бы желательно», – сожалеет Л. Е. Гринин. Однако Н. С. Розов и П. В. Турчин упрекают меня в отсутствии определенных теоретических пристрастий.

Трудно согласиться с экспертом также в том, что «и без мировой войны в России произошла бы новая революция, поскольку власть не пыталась провести необходимые преобразования (после смерти Столыпина крестьянская реформа заглохла), а напряженность нарастала». Реформаторский процесс в России не останавливался. Столыпинская реформа продолжалась даже во время войны (Миронов 2003б: 1: 479–483). После убийства П. А. Столыпина в 1911 г. были приняты законы, предусматривающие страхование рабочих от несчастных случаев и болезней (1912 г.), восстановлены мировые суды (1912 г.), впервые в России введен подоходный налог (1916 г.), реализовывался закон 1908 г. о постепенном введении всеобщего обязательного начального обучения и закон 1911 г. о распространении земств в шести западных губерниях. Во время войны дальновидные правительства реформы не проводят. Но Временное правительство под давлением обстоятельств это правило нарушило, что окончательно расстроило управление страной.

Л. С. Гринин перечисляет реформы, которые, по его мнению, могли предотвратить революцию: «перестроить общину, внедрить частную собственность в сельское хозяйство, перестроить помещичье землевладение, государственную систему и систему образования». Ему представляется, что «для этого требовались иная элита, иная власть». Но все перечисленные и даже не упомянутые им реформы очень энергично проводились в начале XX в. старой элитой, поэтому не было объективной необходимости в ее полной замене. Реформы должны были – в этом я согласен с экспертом – предотвратить революцию. Поскольку она все-таки произошла, то и причины ее надо искать не в отсутствии реформ.

Главный вопрос для эксперта в том, каким образом рост производства и потребления сочетался с повышением социальной напряженности, которая в конечном итоге привела к революции. По мнению Л. С. Гринина, революция обуславливалась не случайными, а глубинными причинами: (1) неготовностью властей к быстрым переменам и их нежеланием проводить реформы или запаздыванием с их проведением, (2) растущим неравенством в распределении доходов в условиях экономического роста – эта ситуация называется им мальтузианско-марксовской ловушкой, для выхода из которой требовалось социальное реформирование. Однако насущные реформ, как уже говорилось, проводились. Что касается имущественного неравенства, то, разумеется, оно было фактором революции. Правда, его степень сильно преувеличена в литературе: на самом оно было невысоким и ниже, чем в западноевропейских странах: децильный коэффициент дифференциации на рубеже XIX–XX вв. был равен примерно 6 и мало изменился к 1917 г. (подробнее об этом ниже).

Н. В. Розов: Эмпирия выше теории

Н. В. Розов полагает, что между Мироновым и Нефедовым идет эмпирический спор, который имеет также теоретическую подоплеку – конфликт между теорией модернизации, которой якобы латентно симпатизирует первый, и неомальтузианской структурно-демографической теорией, которой явно придерживается второй. Претендуя на роль арбитра в качестве теоретика, Н. В. Розов пытается оценить теоретическую состоятельность построений оппонентов преимущественно с одной точки зрения – насколько они соответствуют структурно-демографической концепции Дж. Голдстоуна. «Грубое сопоставление состояния продовольственного потенциала и ресурсного баланса с данными, приводимыми Б. Н. Мироновым и А. С. Нефедовым», приводит его к выводу, что в пореформенный период продовольственный потенциал и ресурсный баланс существенно снизились, кризис в начале XX в. наступил, вследствие чего позиция Нефедова представляется ему «более теоретически обоснованной». Однако позитивные изменения в стране, на которые ссылаюсь я, эксперт не от-

рицает. Но для того чтобы их принять, он отодвигает наступление экзистенциального кризиса на начало XX в., а последнюю треть XIX в. идентифицирует как период стагнации, когда возможны временные улучшения. «Монотонного тренда “абсолютного и относительного обнищания народа” не было, а были волны, подъемы и падения». Таким образом, Н. В. Розов предлагает как будто компромиссное решение спора. Как можно это оценить?

В *методологическом* плане проведенное тестирование нельзя признать корректным. Во-первых, эксперт оценивает эмпирические построения Миронова и Нефедова с точки зрения соответствия структурно-демографической теории и концепции о 5-актовом цикле развития России в 1500–1917 г., которые пока имеют статус спорных гипотез. Во-вторых, сам эксперт разделяет эти концепции. В-третьих, построение С. А. Нефедова выполнено в рамках структурно-демографической концепции (точнее, втиснуто в эти рамки). Естественно, что Н. В. Розов обнаружил, что оно соответствует структурно-демографической концепции, и ему это, конечно, понравилось. Если бы эксперт придерживался марксистской, феминистской, мир-системной или какой-нибудь иной концепции, то, надо полагать, его оценка была бы другой. Таким образом, поставленный Н. В. Розовым диагноз доказал только одно: построение Нефедова проведено в рамках структурно-демографической теории, а Миронова – нет. Для заключения о теоретической предпочтительности надо было оценить два построения с точки зрения разных теоретических концепций и сравнить результаты. Поскольку этого не было сделано, вывод эксперта отражает его теоретические вкусы.

Арбитражные усилия Н. В. Розова с очевидностью показывают, что невозможно оценить адекватность эмпирических построений, опираясь на недоказанные теоретические концепции, не привлекая эмпирический материал. Да и сам Н. В. Розов разделяет это мнение: «Никакие теоретические доводы не могут перевесить фактологические суждения, корректно полученные на основе анализа данных». Как эмпирик бессознательно разделяет какие-то теоретические схемы, так и теоретик в своих построениях бессознательно опирается на некоторый эмпирический базис. Когда эксперт, вопреки своему первоначальному намерению оставаться в дискуссии теоретиком, привлекает кое-какой *эмпирический* материал, то оказывается, что, во-первых, он разделяет стереотипы традиционной советской историографии о понижении уровня жизни крестьянства и повышении налогового бремени, о голодном экспорте и пропомещичьей политике государства, об «увеличении прессы со стороны союза государства и элиты по отношению к народу» и кризисе элиты и т.п. Во-вторых, некритически принимает на веру утверждения С. А. Нефедова, поскольку они соответствуют его представлениям о развитии России.

Так, для доказательства тезиса о сдвиге ресурсного баланса в пользу элиты за счет народа и государства С. А. Нефедов, по мнению Н. В. Розова, «приводит весьма красноречивое подтверждение»: «В 1907 году было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном, для тех же помещиков) на 180 млн руб. и примерно 140 млн руб. составили расходы русских (аристократов. – БМ) за границей. Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн руб. (Ежегодник России 1910: 191–193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. *На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта*».

Ссылки и цифры не верны. У С. А. Покровского этих сведений нет. Ежегодник рисуют совсем другую картину по импорту: ввезено жизненных припасов на 202 млн, среди которых преобладали не «высококачественные потребительские товары для высших классов», а товары широкого потребления: чай – на 76,6 млн, зерно и мука (главным образом рис) – на 28,6 млн, рыба – на 31,1 млн, овощи и фрукты – на 20,9 млн и т.п. (Ежегодник России 1910: 191–194). Точная сумма переводов денежных средств за границу неизвестна; денежные и ценные пакеты (на 121,5 млн) и денежные переводы (на 41,9 млн) оценены в 163,4 млн (Ежегодник России 1910: 149). Кто переводил и как эти деньги тратились, неизвестно, так как почтово-телеграфная статистика информации об этом не имела. Ввезено машин и оборудования на 69 млн, в т.ч. сельскохозяйственных машин на 18,4 млн руб. Российский импорт состоял на 23,8% из жизненных припасов – это в основном продукты, не производимые в России, на 0,6% – из скота, на 47,6% – из сырых и полуобработанных материалов (металлы, волокно, уголь, кокс, каучук и т.п.), которые использовались для нужд промышленности и на 28% – из фабрично-заводских и ремесленных изделий, среди которых доля предметов роскоши (ювелирные изделия, экипажи, часы, галантерея и пр.) была невелика – лишь около 5% (Ежегодник России 1910: 194). Как видим, *именно на нужды индустриализации шла основная часть доходов от экспорта*. По-видимому, С. А. Нефедов взял данные не из источника, а из какого-то тенденциозного исследования, но сослался на источник.

Кстати говоря, подобные случаи вольного обращения С. А. Нефедова с данными мне встречались неоднократно, вследствие чего сторонники структурно-демографической концепции, ссылающиеся на приводимые им данные, нередко попадают впросак. Так, П. В. Турчин полагается на неверные оценки С. А. Нефедовым положения крестьянства в первой половине XIX в. и дворянства в пореформенное время как ухудшающегося.

На самом деле в первой половине XIX в. давление землевладельческой элиты на крестьян уменьшилось, а не увеличилось, благодаря чему жизненный уровень деревни повысился, о чем свидетельствуют антропометрические данные. Средняя финальная длина тела у мужчин с 1791–1795 по 1851–1855 гг. увеличилась на 3,7 см. (с 161,3 до 165 см), у женщин с 1811–1815 (за более раннее время сведения отсутствуют) по 1851–1855 гг. – на 3,7 см (с 149,5 по 153,2 см). Вырос также и вес мужчин (по женщинам сведения отсутствуют): с 1811–1815 по 1846–1850 гг. – на 2 кг (с 58 до 60 кг). В пореформенное время дворянство не «оскудевало», а достаточно успешно приспособлялось к новым реалиям и т.д. (об этом подробнее см. в моем ответе П. В. Турчину).

Н. В. Розов справедливо заметил в конце своего комментария: «Концептуальный подход имеет *сильные ограничения*. Сделанные в его рамках качественные и структурные суждения имеют *гипотетический характер и требуют эмпирической проверки*. В данном случае следует научиться замерять продовольственный потенциал и ресурсный баланс, проверить гипотезу о снижении значений по этим переменным в России в вышеозначенный период». Эту задачу он возлагает на эмпириков. Однако эмпирики в лице Миронова и Нефедова ее выполнили. Теоретика, который полагает, что эксперимент – критерий истины, следовало бы оценить корректность их расчетов. Н. В. Розов этого не делает. И это было бы полбеды. Беда в том, что эксперт-теоретик *верит*, подчеркиваю – *именно верит*, эмпирическим построениям Нефедова, а не проверяет их. Поэтому и статус его заключения соответствующий – ему можно верить или не верить. Но это уже вне научной полемики.

П. В. Турчин: Структурно-демографическая теория нуждается в ревизии

П. В. Турчин в своем комментарии поддержал мою точку зрения о том, что «обнищание народа – не самый важный из факторов, ведущих к революции» и не согласился с С. А. Нефедовым, считая, что последний «откатился на позиции грубого неомальтузианства». Для меня это особенно ценно потому, что еще в книге, изданной в 2007 г., он полагал, что «в течение XIX столетия отношение крестьянин/земля ухудшилось, цены на продовольствие увеличились, и нехватка еды стала всеобщей» (Турчин 2007: 258).

В отличие от С. А. Нефедова П. В. Турчин акцентирует внимание на двух других причинах русской революции – быстром росте социального неравенства и перепроизводстве элиты. Кризис биологического существования населения в его построениях не фигурирует вообще. Вторая причина ему представляется более важной: «Образовался гигантский класс “лишних” людей, который постепенно оформился в

контр-элиту». Таким образом, *мальтузианский кризис ему видится в недостатке ресурсов для элиты, а не для народа*. «В определенном смысле, перепроизводство элиты аналогично перенаселению. Но существенная разница заключается в том, что недовольство элит, в отличие от недовольства народа, напрямую ведет к ослаблению и, в конечном итоге, развалу государства, революциям и гражданским войнам».

Если «обнищание народа – не единственный, и даже не самый важный из факторов, ведущих к революции», то построение П. В. Турчина нельзя отнести ни к неомальтузианству, ни к структурно-демографической теории, согласно которой политический кризис в конечном итоге вызывается все-таки перепроизводством населения (именно всего населения, а не только элиты) вследствие недостатка ресурсов. Ревизионизм П. В. Турчина проявляется также и в том, что, по его мнению, «динамика популяции является эндогенным процессом, в котором имеется не только связь между приростом населения и крахом государства, но и обратная связь между крахом государства и сокращением населения» (Турчин 2007: 176). Другими словами, П. В. Турчин не принимает идею Дж. Голдстоуна об экзогенном характере перепроизводства населения, полагая, что демографические циклы могут быть объяснены эндогенными факторами политического характера, среди которых главное место принадлежит перепроизводству элит. Эту особенность подметил в своем комментарии С. В. Цирель: «Еще дальше идет П. Турчин, который рассматривает структурно-демографический цикл в отрыве от мальтузианских процессов, ориентируясь только на уровень жизни населения, степень имущественного и социального расслоения, размер элиты (элиты и контр-элит) и уровень ее консолидации (в том числе долю новых неассимилированных иммигрантов в составе населения)».

Однако, смещая центр концепции с обнищания и перепроизводства всего населения на обеднение и перепроизводство элиты как самостоятельный и решающий фактор исторической динамики, П. В. Турчин попадает в серьезные методологические трудности, которые лишают его концепцию точности, строгости, объективности, которая свойственна естественнонаучным построениям, и приближает ее к историко-социологическим построениям.

Классическое мальтузианство, принимая удовлетворение базисных биологических потребностей человека за *критерий* соответствия ресурсной базы и численности населения, *стоит на твердой методологической почве*, потому что степень удовлетворения базисных потребностей *можно измерить и, значит, верифицировать* – если потребление, оцененное в калориях, не покрывает биологических потребностей человека, налицо мальтузианский кризис, а если покрывает – то кризиса нет. Биологи человека установили нижний порог

биологических потребностей человека, который в зависимости от географии проживания составляет 2500–3000 ккал. Основываясь на этом *мальтузианском критерии*, можно оценить соответствие ресурсной базы и количества населения, установить время начала и конца экзистенциального кризиса, верифицировать гипотезу о социально-экономическом состоянии социума.

Структурно-демографическая теория, утверждающая, что рост населения, превышающий увеличение производительности сельскохозяйственных угодий, вызывает кризис государства *косвенно*, посредством воздействия на экономические, политические и социальные институты, также стоит *на твердой методологической почве*, поскольку, как и классическое мальтузианство, признает, что *в основе кризиса лежит неудовлетворение базисных биологических потребностей населения*. Основываясь на том же мальтузианском критерии ресурсного баланса, можно – только с учетом лага между кризисом в низах и в верхах! – установить время начала и конца экзистенциального кризиса, т.е. верифицировать гипотезу о социально-экономическом состоянии социума.

В отличие от классического мальтузианства и структурно-демографической теории концепция П. В. Турчина не поддается строгой верификации, потому что потребности элиты – понятие субъективное и совершенно неопределенное. *Нет и не может быть четких объективных критериев для заключения о том, когда и насколько потребности удовлетворены даже в материальном отношении*, поскольку мы не знаем нижнего порога потребностей элиты, как в случае с биологическим порогом у человека. Еще большей произвольностью будут отличаться оценки духовных потребностей, которые просто необъятны. Рассуждая о социумах, не входящих в новое и новейшее время в западноевропейский ареал, следует иметь в виду, что их элита в своих материальных и духовных потребностях всегда ориентировалась на Запад, который по уровню экономического, политического и культурного развития их превосходил. *С точки зрения неомальтузианства или структурно-демографической теории*, принимать такие подражательные потребности, которые в принципе не могут быть удовлетворены, за критерий при оценке степени удовлетворения элиты условиями ее жизни, не представляется оправданным, а при историко-социологическом подходе – резонно и важно.

В России не наблюдалось перепроизводства элиты

Проверим гипотезу П. В. Турчина о перепроизводстве российской элиты как главным факторе русских революций начала XX в. К сожалению, эксперт не определяет, что имеется в виду под элитой и контр-элитой – привилегированные социальные группы, политическая элита, правящий

класс, властная элита и т.п. (Гаман-Голутвина 2006: 8–17). Если судить по тексту, он относит к элите дворян, чиновников и духовенство, т.е. два привилегированных сословия, то, что марксисты относят к правящему, или господствующему, классу, а к контр-элите – «обедневших дворян, младших сыновей, “элитных аспирантов” из разбогатевших крестьян или купцов, и т.д.», т.е. деклассированных представителей старой элиты и буржуазию. Поэтому анализировать будем динамику численности привилегированных страт.

По мнению П. В. Турчина, в результате разорения потомственного дворянства, вызванного ростом его численности в 1858–1897 гг. в 2 раза, сокращением его земельного фонда в 1,34 раза и невозможностью найти работу на государственной службе, «образовался гигантский класс “лишних” людей, который постепенно оформился в контр-элиты». В действительности, дворянство (как убедительно показал С. Беккер в своей монографии, опубликованной в США еще в 1985 г. и переведенной на русский язык в 2004 г.) достаточно комфортно приспособилось к новым реалиям. Оскудение дворянства – это миф. За 1857–1897 гг. число потомственных дворян на коронной службе увеличилось в 2,8 раза (с 37,6 тыс. до 104,4 тыс.) (Беккер 2004: 186). К 1913 г. общая численность чиновников возросла в 2,2 раза сравнительно с 1857 г. и в 1,8 раза по сравнению с 1897 г. (Миронов 2003б, 2: 200). В пореформенное время появилась достаточно почетная служба в земствах и городских думах, которая давала работу в 1880 г. по крайней мере 140 тыс., а в 1912 г. – 195 тыс. человек (Миронов 2003б, 2: 202). Дворяне активно участвовали в бизнесе. Пережившие реформу и оставшиеся в деревне научились успешно хозяйствовать, о чем говорит тот факт, что отношение суммы их ипотечной задолженности к цене земли в конце XIX – начале XX в. было очень небольшим (Беккер 2004: 309). Цена дворянской земли с 1854–1858 гг. по 1903–1905 гг. беспрецедентно повысилась – в 7,3 раза (Святловский 1911: 82–83).

Вследствие всеобщей и глубокой профессионализации и высокой социальной мобильности дворяне нашли свою нишу также среди нового среднего класса, став учеными, юристами, врачами, журналистами, преподавателями (Миронов 2003б, 1: 141–147). Например, в Москве 1882 г. 35% самодельных дворян были заняты в нетрадиционных для них сферах, в т.ч. 15,5% – в бизнесе и 15% – в свободных профессиях (Беккер 2004: 190). Избавление от земли было «проявлением здоровой способности приспособливаться к радикально переменившимся социальным и экономическим обстоятельствам», – справедливо полагает С. Беккер. – «Задолго до того, как революция отменила их анахронический статус первого сословия России, большинство дворян научилось жить, а многие и процветать, в мире, где наследственные привилегии были заменены равенством перед законом» (Беккер 2004: 308–309).

Подавляющее большинство высшего сословия перестали восприниматься как дворяне, а успешные выходцы из третьего сословия не стремились ими стать. А. П. Чехов в 1899 г. был пожалован Николаем II в дворянство и в кавалеры ордена Святослава 3-й степени. Высочайший указ был оставлен А. П. Чеховым без внимания. Ни в письмах, ни в разговорах, ни в воспоминаниях современников не сохранилось даже упоминания об этом факте. А. П. Чехов как будто стыдился и скрывал это пожалование, вследствие чего биографы узнали о существовании указа лишь в 1930 г., через 26 лет после смерти писателя. Сын купца третьей гильдии отказался от возможности нобилитации – вещь, совершенно неслыханная в XVIII – первой половине XIX в.

Данные об изменении численности всех привилегированных слоев населения (дворянства, духовенства, купечества и почетных граждан с 1832 г.), также не подтверждают гипотезу о перепроизводстве элиты. Доля любой привилегированной группы в населении страны в 1719–1913 гг. уменьшалась, естественно, сократилась и суммарная их доля с 4,6 до 2,5%, в том числе в пореформенное время – с 3,2 до 2,5% (см. Табл. 2):

Табл. 2. Численность привилегированных слоев в Европейской России в 1719–1913 гг.

Социальные группы	1719 г.	1795 г.	1858 г.	1897 г.	1913 г.
Дворянство (потомственное и личное), тыс.	304	720	889	1373	1936
%	2,0	2,0	1,5	1,5	1,5
Дворянство потомственное, тыс.	304	403	612	886	1249
%	2,0	1,1	1,0	1,0	1,0
Духовенство, тыс.	280	434	567	501	697
%	1,9	1,2	1,0	0,5	0,5
Купечество, тыс.	100	236	400	240	611*
%	0,7	0,7	0,7	0,3	
Почетные граждане, тыс.	-	-	21	308	
%	-	-	0,0	0,3	0,5
Итого	684	1390	1877	2422	3244
%	4,6	3,9	3,2	2,6	2,5
Население, тыс.	14878	35597	59206	93186	128864

* Численность купцов и почетных граждан на 1913 г. экстраполирована по среднегодовому темпу прироста за 1858–1897 гг.

Источник: Миронов 2003б, 1: 115, 129, 130.

Для сравнения укажем, что в 1840-е гг. в Пруссии (из 16,6 млн населения)

дворян было 0,75%, духовенства – 0,15% (Брут 1853, VI: 12), в Австро-Венгрии (из 37 млн) дворян – 2,0% и духовенства – 0,4% (Брут 1853, V: 14), во Франции (из 38 млн) дворян и чиновников – 3,5%, духовенства – 0,15%, купцов и фабрикантов – 0,7% (Брут 1853, IV: 8), в Великобритании (из 27,8 млн) дворянства – 0,9%, гражданских, военных и морских чинов – 3,6%, духовных, правоведов и врачей – 1,8%, ученых – 1,8% (Брут 1853, III: 7). Таким образом, в середине XIX в. относительная численность элиты, возможно, была ниже только в Пруссии, да и то потому, что для последней не учтены лица с высшим образованием, крупная буржуазия и чиновники. Только доля последних в 1861 г. составляла около 1,5% (Обручев 1867: 224), и они лишь в незначительной степени были дворянами. В середине XIX в. по валовому продукту на душу населения Россия была примерно равна Австро-Венгрии, в 2 раза уступала Германии и Франции и в 3 раза – Великобритании (Maddison 2001: 261, 264). Как видим, с точки зрения ресурсной базы у элиты, пять стран мало отличались друг от друга.

Если российскую элиту идентифицировать на основании образования, то и в этом случае не приходится говорить о ее перепроизводстве относительно ресурсов. Доля людей с высшим образованием среди лиц в возрасте от 20 лет и старше составила в конце 1850-х гг. – 0,12%, в 1897 г. 0,23%, в 1939 г. – 1,21%. Интерполяция по средним темпам увеличения доли лиц с высшим образованием за 1897–1939 гг. дает на 1917 г. 0,51%¹ (см. Табл. 3):

Табл. 3. Численность лиц с высшим и средним образованием в Европейской России по данным переписей населения 1897 г. и 1939 г. (среди лиц в возрасте старше 19 лет)

	Конец 1850-х гг.*	1897 г.		1917 г.**		1939 г.	
	%	тыс.	%	%	тыс.	%	%
Население в возрасте старше 19 лет	-	47943,9	-	-	59763,6	-	-
Число лиц с высшим образованием	0,12	111,3	0,23	0,51	720,2	1,21	-
Число лиц со средним образованием	0,78	663,3	1,38	3,49	8413,9	14,08	-
Число лиц с высшим и средним образованием	0,90	774,6	1,61	4,00	9134,1	15,28	-

* Данные на конец 1850-х гг. получены методом передвижки когорт.

** Данные на 1917 г. получены путем интерполяции за 1897–1939 гг.

¹ Поскольку в 1917–1939 гг. число лиц со средним и высшим образованием росло более быстрыми и постепенно ускоряющимися темпами, чем в 1861–1917 гг., то данные на 1917 г. несколько завышают истинную долю элиты по образованию.

Подсчитано по: Тройницкий 1905: т. 1, с. 198; Жиромская 1999: 30, 104.

Как видим, доля лиц с высшим образованием в пореформенное время возросла лишь на 0,39%. Если же к элите отнести лиц не только с высшим, но и с полным средним образованием, то в 1861–1917 гг. их доля в населении возросла – с 0,9 до 4%. Однако валовой внутренний продукт во второй половине XIX в. увеличился в 3,3 раза, в стране проходила индустриализация и культурная революция, вследствие чего спрос на умственный труд со стороны сельского хозяйства, промышленности, транспорта, сферы услуг, а также учреждений церкви, государства, образования, культуры и суда также существенно вырос. О неудовлетворенном спросе на квалифицированный труд свидетельствует более быстрый рост заработной платы у работников умственного труда сравнительно с рабочими. Например, с 1870-х по 1911–1913 гг. номинальный средний годовой заработок российских фабрично-заводских рабочих увеличился примерно на 33% (со 190 до 254 руб.), сельскохозяйственных рабочих – на 75% (с 57 до 100 руб.) (Жиромская 1999: 103–104, 108–109; Материалы Комиссии 1903: 233–237; Дроздов 1930: 44–47), учителей земских школ – на 188% (со 135 до 390 руб., с квартирой и отоплением от школы) (Зубков 2008: 9). Следовательно, в 1870-е гг. жалование у учителей было в 1,4 раза *ниже*, чем у промышленных рабочих, а в 1913 г. – в 1,5 раза *выше*.

Население России за 1863–1913 гг. возросло в 2,3 раза, а численность работников квалифицированного умственного труда в сфере образования, медицины, культуры и науки – более чем в 8–10 раз (см. Табл. 4):

Табл. 4. Изменение населения и числа учреждений образования, культуры, медицины и массовой информации, их сотрудников и учащихся

	1840-1860-е гг.	1880-1890-е гг.	1913-1914 гг.
Число начальных школ, тыс.	17,2 (1856 г.)	131,2 (1894 г.)	119,4
Число средних школ, тыс.	0,116 (1856 г.)*	0,645 (1894 г.)	4,3
Число учащихся во всех учебных заведениях, тыс.	1156 (1863 г.)	4013 (1894 г.)	9656
Число учителей, тыс.	33,5 (1863 г.)**	-	280
Число массовых библиотек, тыс.	0,012 (1848 г.)	-	143,9
Число практикующих врачей (без зубных), тыс.	-	7,2 (1885 г.)	23,2
Число среднего медицинского персонала, тыс.	-	13,0 (1885 г.)	46,0
Число больниц, тыс.	0,350 (1850-е)	-	5,3
Число наименований газет и журналов	204 (1840 г.)	667 (1890 г.)	2915
Выпуск книг и брошюр, тыс. наименований	0,764 (1832 г.)	7,3 (1889 г.)	34,0
Число студентов вузов, тыс.	8,5 (1860 г.)	25,6 (1894 г.)	127,4
Население, млн***	70 (1863 г.)	84 (1880 г.)	159 (1913 г.)

* Без духовных семинарий, епархиальных училищ и военных учебных заведений.

** Оценка по соотношению числа учителей и учащихся в 1914 г.

*** Без Польши и Финляндии.

Источники: Народное хозяйство 1959: 812, 831, 851, 882; Пискунов 1976: 521–531, 540; Миронов 2003б, 2: 377, 385–387; Статистика произведений печати 1915: 8–9, 112–113.

Большой спрос на квалифицированные кадры предъявляли судебные органы, земства и городские думы, введенные в результате реформ, а также средства массовой информации, театры, издательства, банки и, конечно, промышленность². По данным всеобщей переписи населения 1897 г., в империи без Польши насчитывалось около полумиллиона лиц, занятых квалифицированным умственным трудом, – чиновники, врачи, учителя, юристы, свободные профессии, инженеры (Рубакин 1912: 61, 89–91). Их число в 1897–1914 гг. стремительно росло: число врачей – в 1,4 раза, чиновников – в 1,7 раза, учителей – в 2,4 раза. Быстрый рост экономики обеспечивал работой выпускников вузов, число которых за 1860–1913 гг. по ориентировочной оценке возросло в 15 раз. Имеющиеся данные позволяют предположить, что спрос на умственный труд несколько обгонял предложение.

Известно, что наибольшие трудности с трудоустройством в XIX в. встречало духовенство, так как число штатных должностей регулировалось государством и было ограничено. Например, в 1830 г. насчитывалось 430 безместных претендентов, закончивших духовные семинарии (Freeze 1983: 110, 152). Однако в то же время в целом по империи имелось 5466 вакантных мест для православных священников и дьяконов. То же наблюдалось и в пореформенное время, вплоть до 1917 г.: в одних епархиях ощущался недостаток кадров, в других некоторый избыток. Число вакансий изменялось ежегодно. Иногда фактическая численность духовенства превышала штатное положение, но в сумме, как правило, вакансий было несколько больше, чем претендентов. Например, на начало 1911 г. – последнего года, на который имеются сведения, в империи по ведомству православного вероисповедания насчитывалось 2754 вакансии на должности священно- и церковнослужителей, что составляло 2,5% от общего числа мест. Существенный дефицит в кадрах наблюдался в епархиях Воронежской, Орловской, Черниговской и в Сибири, по 1–3 вакансии имелось в Астраханской, Варшавской, Холмской; не было свободных мест во Владимирской, Волынской, Калужской, Московской, Полоцкой. В бедных или отдаленных приходах должность оставалась незамещенной в течение 2–5 лет и более (Отчет Синода за 1910: 24–27) (см. Табл. 5):

² В 1897 г. в России насчитывалось 3 296 ученых и литераторов, 4 639 инженеров и технологов, 16 742 врачей (без военных докторов), 15 237 художников, музыкантов и актеров (Рубакин 1912: 89–90). В 1898 г. численность профессорско-преподавательского корпуса составляла 2458 человек (Иванов 1991: 208–209).

Табл. 5. Штатные и вакантные должности в Российской империи по ведомству православного исповедания в 1910 г.

	По штату положено должностей			Вакантных должностей			Вакантных должностей, %		
	священнических	дьяконов	псаломщических	священнических	дьяконов	псаломщических	священнических	дьяконов	псаломщических
<i>Воронежская</i>	1245	743	1221	17	502	20	1,4	67,6	1,6
<i>Орловская</i>	1080	561	1058	8	267	5	0,7	47,6	0,5
<i>Черниговская</i>	1084	272	1071	25	202	4	2,3	74,3	0,4
<i>Тобольская</i>	455	200	497	25	97	32	5,5	48,5	6,4
<i>Томская</i>	787	141	776	33	18	21	4,2	12,8	2,7
<i>Якутская</i>	126	12	120	-	-	1	0,0	0,0	0,8
<i>Империя</i>	47633	13452	47379	535	1689	530	1,1	12,6	1,1

Подсчитано по: Отчет Синода за 1910: 24–27.

Потребность в образованных священнослужителях никогда не была полностью удовлетворена. В 1909 г. 5,4% священников (2560 из 46730) не имели надлежащего образования (1984 окончили только начальные светские учебные заведения, 576 имели домашнее образование), не имели надлежащего образования и 20,4% дьяконов (2997 из 14670) (Отчет Синода за 1910: 24–27).

Нет оснований для заключений об избытке квалифицированных кадров в сфере образования. Скорее можно говорить о некотором дефиците кадров в университетах, вследствие чего было широко распространено совместительство и приходилось брать на работу в качестве штатных преподавателей тех, кто не отвечал образовательному цензу (см. Табл. 6):

Табл 6. Численность профессорско-преподавательского состава в российских университетах в 1882–1914 гг.*

	1882 г.**	1891 г.	1901 г.	1905 г.	1908 г.	1914 г.
<i>Профессора</i>	366	475	570	614	583	657
<i>Доценты и адъюнкты</i>	119	0	9	9	4	9
<i>Лекторы</i>	31	44	29	38	36	83
<i>Преподаватели</i>	28	69	451	1	6	1087
<i>Приват-доценты</i>	60	284	429	558	615	674
<i>Итого</i>	604	872	1488	1220	1244	2510
<i>Вакансий на штатные должности</i>	156	153	390	нет. свед.	нет. свед.	218
<i>Число вакантных кафедр</i>	нет. свед.	54	67	94	120	123

* На 1 января. ** Штатные преподаватели.

Подсчитано по: Отчет МНП за 1879–1881: 331–332; то же за 1890: 4–5, 11; то же за 1900: 6–7, 9; то же за 1905: 2–5; то же за 1908: 2–5; то же за 1913: 2–3, 4–5.

К 1 января 1914 г. в 10 российских университетах из 509 кафедр в 123 имелись вакансии профессоров и приват-доцентов и 20 кафедр вообще не были укомплектованы преподавателями. Когда в 1911 г. 130 профессоров и доцентов Московского университета подали в отставку в знак протеста против изгнания из университета студентов за участие в волнениях по поводу смерти Льва Толстого, у администрации университета возникли серьезные кадровые проблемы, и она собирала преподавателей по всей России (Тихомиров 1955: 376–377, 540–541). Избытка квалифицированных кадров не ощущалось во всех других высших учебных заведениях (Отчет МНП за 1905: 34; то же за 1908: 34; то же за 1913: 34).

Не проходит говорить об избытке квалифицированных кадров также и в средних учебных заведениях (см. Табл. 7):

Табл. 7. Число преподавательских вакансий в средних учебных заведениях

Год	Число должностей в гимназиях и прогимназиях			Число должностей в реальных училищах		
	штатные	вакантные*	не замещенные**	штатные	вакантные*	не замещенные**
1881	нет свед.	116	28	нет свед.	158	63
1890	нет свед.	127	58	нет свед.	70	22
1900	нет свед.	193	60	нет свед.	82	22
1905	2964	708	78	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1908	3238	1293	109	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1910***	3420	1510	106	нет свед.	нет свед.	нет свед.
1913***	4825	2098	107	нет свед.	нет свед.	нет свед.

* Число вакансий в течение года. ** Осталось незамещенными на 1 января следующего года.

*** Только в мужских гимназиях.

Подсчитано по: Отчет МНП за 1879–1881: 364–373, 392–395; то же за 1890: 18–23, 36–39; то же за 1900: 18–25, 40–43; то же за 1910: 48–49; то же за 1913: 48–49.

К 1 января 1914 г. в мужских гимназиях и прогимназиях России 45,7% должностей являлись вакантными в течение года, из них 2098 по необходимости замещались внештатными, а на 107 мест вообще не было возможности найти подходящих преподавателей. Причем, вакансии имелись во всех учебных округах, в том числе в С.-Петербургском (281 из 454 по штату) и Московском (436 из 837 по штату), но больше всего – в Кавказском учебном округе (Отчет МНП за 1913: 49). То же наблюдалось в реальных училищах.

О некотором недостатке учителей в начальной школе свидетельствует тот факт, что на работу приходилось брать лиц без необходимого образовательного ценза. Например, в империи к началу 1905 г. число так называемых неправоправных учителей, не имеющих право на преподавание, насчитывалось 1 338 (1,3%) из 102 471 (Отчет МНП за 1905: 191), в 1913 г. – 3 058 (1,6%) из 190 494 (Отчет МНП за 1913: 193). К началу 1910 г. среди 43 611 учителей начальных церковных школ работали без учительских свидетельств 4 318 (9,9%) (Отчет Синода за 1908–1909: 118). Особенно напряженным было положение в отдаленных губерниях, где всегда имелось много вакансий, которые оставались незаполненными, несмотря даже на надбавки к жалованью. Например, в городских школах Западно-Сибирского учебного округа в 1914 г. доля неправоправных учителей достигала 73,2%. К тому же наблюдалась высокая текучесть кадров (в год 216 человек из 728 или 29,7% оставили работу) – верное доказа-

тельство того, что за учительское место не держались, значит, безработицы не боялись (Чуркина 2008: 252–253). В сфере образования избытка квалифицированных кадров не существовало в течение всего пореформенного периода.

Таким образом, «гигантского класса лишних людей» в поздней имперской России не существовало. Ресурсная база более или менее соответствовала численности элиты, ее благосостояние повышалось. Иначе и быть не могло, учитывая всеобщее повышение уровня жизни в стране. Понижение благосостояния элиты при его повышении у населения в целом суть социально-экономический нонсенс не только в стране с рыночной, но даже в стране с традиционной аграрной экономикой.

Вопрос о том, насколько удовлетворялись материальные потребности российской элиты, сам по себе очень важен, и его решение имеет большое значение для понимания происхождения революционных настроений. Однако если проблему рассматривать в отрыве от общего материального положения российского населения, то она не имеет отношения к мальтузианскому кризису ни в его классическом, ни в структурно-демографическом варианте. Не менее важно, что нет четкого критерия для заключения о том, насколько потребности элиты удовлетворялись. Например, богатые русские землевладельцы, имевшие свыше 1000 крепостных, коих в XVIII – первой половине XIX в. насчитывалось около 1% от всех помещиков, имели особняк в столице, усадьбу в деревне, открытый стол в своем доме на несколько десятков человек ежедневно; их гардероб стоил огромных денег; их желания обслуживали десятки дворовых (Дубровин 2007: 78–108). Им безусловно завидовали средние и особенно мелкие землевладельцы с числом крепостных менее 20, на долю которых приходилось более половины всех помещиков (Миронов 2003б, 1: 88–89). Можно на этом основании утверждать, что потребности 99% элиты не удовлетворялись? Если да, то к структурно-демографической теории это не имеет отношения. Доходы интеллектуальной элиты в пореформенное время выросли. Но интеллигенция считала их недостаточными (Рубакин 1912: 60–92). Можно на этом основании утверждать, что ее потребности не были удовлетворены. Если да, то к структурно-демографической теории это также не имеет отношения.

Аналогично и в отношении духовных потребностей, игнорировать которые нельзя. Желание управлять и властвовать относится к духовным потребностям человека, в особенности принадлежащего по своему социальному статусу или образованию к элите. Можно ли утверждать, что потребности значительной части российской элиты в пореформенное время не были удовлетворены на том основании, что она хотела, но не могла принимать участие в управлении государством? Если да, то к структурно-демографической теории подобные умозаключения не имеют отношения.

Следует также иметь в виду, что российская элита в своих материальных и духовных потребностях в период империи всегда оглядывалась на Запад, который находился на более высоком уровне экономического развития. Оправданно ли принимать такие потребности, которые в принципе не могли быть удовлетворены, за критерий при оценке степени удовлетворения российской элиты условиями ее жизни в России? Если да, то и в данном случае к структурно-демографической теории это не имеет отношения.

Концепция П. В. Турчина не учитывает социальную мобильность, которая приводила в соответствие численность элиты с ресурсами. В его построениях новая элита, или контр-элита, сосуществовала со старой, увеличивая общую численность элиты и усиливая давление на ограниченные ресурсы социума и государства, что привело к кризису. В действительности механизм взаимодействия старой и новой элиты был иным: старая приспосабливалась к новым условиям, а те, кому это не удавалось, деклассировались и уходили из рядов элиты, в результате ее численность постоянно приспосабливалась к потребностям социума и к ресурсной базе. В 1678 г. доля дворянства в населении России составляла 1,7%, в 1719 г. – 2%, в 1858 г. – 1,5 и в 1897 г. – 1,5%; доля духовенства – соответственно 0,9%, 1,9%, 1%, 0,5% (Миронов 2003б, 1: 130). Социальная мобильность реально действовала в России XVIII – начала XX в. Привилегированные сословия были открыты не только на входе, но и *на выходе*. Статус потомственного дворянства номинально имело довольно значительное число деклассированных элементов, которые нигде не служили, не получили никакого образования, не имели собственности, лично сами занимались земледелием и по своему действительному положению являлись крестьянами. Все они фактически потеряли дворянское достоинство и дворянские претензии и вышли из состава элиты. По подсчету Министерства внутренних дел, таких потомственных дворян мужского пола, которые «лично сами занимались хлебопашеством» насчитывалось в 1846–1847 гг. 109,4 тыс. из 253,1 тыс. (Зайончковский 1978: 43).

В пореформенное время процесс обновления дворянского сословия продолжался. В правах потомственного дворянства с 1875 по 1896 г. было утверждено 39 535 лиц, в том числе 32% – по чину и 68% – по ордену (Корелин 1979: 25, 28). Однако и процесс деклассирования усилился. Это хорошо видно по данным об изменении доли неграмотных, происходивших из дворян и чиновников в пореформенное время. Согласно первой всеобщей переписи, в 1897 г. в империи таковых в возрасте 10 лет и старше было 12% мужского и 18,2% женского пола (см. Табл. 8):

Табл. 8. Неграмотные лица дворянского происхождения в России по переписи 1897 г.

Воз- раст	Годы рож- дения	Мужчи- ны	Женщи- ны	Оба пола	Мужчи- ны, %	Женщи- ны, %	Оба пола, %
10-19	1878- 1887	24819	32936	57755	15,2	19,0	17,2
20-29	1868- 1877	15733	26322	42055	10,5	15,2	13,0
30-39	1858- 1867	12804	22822	35626	9,1	15,8	12,5
40-49	1848- 1857	9987	18401	28388	9,9	17,6	13,8
50-59	1838- 1847	7817	15936	23753	11,4	20,0	16,0
60+	1837+	11780	23007	34787	17,5	25,4	22,0
Итого		82940	139424	222364	12,0	18,2	15,3

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: 190.

Неграмотность – это надежный признак деклассирования, потому что со времени Петра Великого от дворянства в обязательном порядке требовалось знание грамоты. Основываясь на доле неграмотных, можно сказать, что в 1897 г. 15,3% дворян обоюбого пола фактически утратили свой дворянский статус (среди женщин неграмотных было больше, значит, деклассирование проходило интенсивнее). Посмотрим на годы рождения. У рожденных до 1858–1867 гг., т.е. до Великих реформ, доля неграмотных со временем постепенно уменьшалась: у родившихся до 1837 г. – 22%, у родившихся в 1838–1847 гг. – 16%, у родившихся в 1858–1867 гг. – 12,5%. У родившихся после Великих реформ, наоборот, доля неграмотных со временем повышалась: у родившихся в 1857–1858 гг. – 12,5%, у родившихся в 1868–1877 гг. – 13%, у родившихся в 1878–1887 гг. – 17,2%. Отсюда следует, что *под влиянием реформ деклассирование дворянства ускорилося*. Даже у детей чиновников – безусловно грамотных отцов, процент неграмотных в пореформенное время увеличился, значит, процесс деклассирования усилился.

Сравнение распределения неграмотных дворян между городом и деревней по годам рождения показывает, что деклассированные дворяне оседали преимущественно в деревне: среди родившихся ранее 1837 г. таковых в деревне проживало 73,3%, а среди родившихся в 1878–1887 гг. – 89%, почти на 16 пунктов больше (см. Табл. 9):

Табл. 9. Распределение неграмотных дворян между городом и деревней по переписи 1897 г.

<i>Возраст</i>	<i>Год рождения</i>	<i>Город</i>	<i>Деревня</i>	<i>Итого</i>
10-19	1878-1887	11,0	89,0	100
20-29	1868-1877	16,7	83,3	100
30-39	1858-1867	18,1	81,9	100
40-49	1848-1857	20,2	79,8	100
50-59	1838-1847	23,4	76,6	100
60+	1837+	26,7	73,3	100

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: 190.

В Москве в 1882 г. лишь около 5% взрослых потомственных дворян опустились на дно общества, став бомжами, проститутками, прислугой (Беккер 2004: 190). В деревне деклассированных было больше.

Наличие неграмотных среди духовенства также является показателем деклассирования, потому что все духовенство, находившееся на службе, было грамотным. И если дети образованного родителя были неграмотными, то они не могли занять даже церковно-служительскую должность, потому что даже от пономаря требовалось знание грамоты. Следовательно, неизбежно деклассировались. Среди духовенства в 1897 г. неграмотных было меньше, чем среди дворян, почти на три пункта (12,7% против 15,3%) и после Великих реформ увеличения неграмотности не наблюдалось: у родившихся в 1858–1867 гг. неграмотных было 10,1%, а у родившихся в 1879–1887 гг. – 6,7%. Это позволяет предположить, что в отличие от дворянства процесс деклассирования у духовенства в пореформенное время замедлился (см. табл. 10).

Табл. 10. Доля неграмотных лиц, происходивших из духовенства в России по переписи 1897 г.

<i>Возраст</i>	<i>Год рождения</i>	<i>% неграмотных</i>
10-19	1878-1887	6,7
20-29	1868-1877	6,4
30-39	1858-1867	10,1
40-49	1848-1857	15,3
50-59	1838-1847	19,6
60+	1837+	28,8
Итого		12,7

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: 190.

Интересно отметить, что в пореформенное время только у дворянства наблюдалось снижение грамотности, у всех остальных сословий ее уровень, как показывает изменение доли грамотных среди различных возрастных групп, повышался (см. Табл. 11). Отсюда следует, что процесс социальной деградации в наибольшей степени затронул именно старую элиту.

Табл. 11. Доля неграмотных среди различных возрастных групп населения России по переписи 1897 г.

Возраст	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69
Год рождения	1878-1887	1868-1877	1858-1867	1848-1857	1838-1847	1828-1837
% неграмотных	54,5	55,1	60,5	66,8	73,5	77,6

Подсчитано по: Тройницкий 1905, 1: XVI.

Подчеркнем, что деклассированное дворянство и духовенство уходило из элиты и пополняло ряды не революционеров и оппозиционеров, а преступников и люмпенов в городе, крестьян и рабочих – в сельской местности. Они вовсе не укрепляли социальную базу революции.

Численность элиты зависела от общественных потребностей и политики государства, что хорошо видно на примере православного духовенства. В 1860 – первой половине 1880-х гг. кадровая политика Синода состояла в том, чтобы уменьшить общую численность штатного белого духовенства и изменить его структуру в пользу священников. Однако прихожанам эта политика не нравилась, так как сокращение числа дьяконов и причетников, по их мнению, снижало торжественность и пышность службы. В результате Синод уменьшил число *штатного* духовенства и изменил его структуру, но из-за сопротивления прихожан фактически ничего не изменилось, что привело к избытку *действительного* числа духовенства против штатного положения, особенно дьяконов. В конце 1880-х гг. Синод пошел на уступки прихожанам, существенно увеличив штатное число дьяконов, что привело к восстановлению баланса между фактическим и штатным числом духовенства (см. Табл. 12):

Табл. 12. Фактическая и штатная численность духовенства православного вероисповедания в России в 1835–1910 гг.

	1835 г.	1865 г.	1869 г.	1879 г.	1884 г.	1889 г.	1890 г.	1894 г.	1910 г.*
Священников	34479	36765	38103	36583	34313	37266	40129	41684	47633
Дьяконов	17375	14298	14317	8445	7543	12149	12629	13283	13452
Причетников	69284	62289	65583	47992	39088	41587	43935	44418	47379
Итого	121138	113352	118003	93020	80944	91002	96693	99385	108464
Против штатной численности более или менее**									
Священников	-3016	+587	+157	-857	-411	-980	-1076	-1048	-535
Дьяконов	-2450	+2377	+3122	+5349	+5111	+1001	+871	+641	-1689
Причетников	-10933	-2158	-327	+946	-1258	-269	-592	-1444	-530
Итого	-16399	+806	+2952	+5438	+3442	-248	-797	-1851	-2754
Против штатной численности более или менее, %									
Священников	-8,7	+1,6	+0,4	-2,3	-1,2	-2,6	-2,7	-2,5	-1,1
Дьяконов	-14,1	+16,6	+21,8	+63,3	+67,8	+8,2	+6,9	+4,8	-12,6
Причетников	-15,8	-3,5	-0,5	+2,0	-3,2	-0,6	-1,3	-3,3	-1,1
Итого	-13,5	+0,7	+2,5	+5,8	+4,3	-0,3	-0,8	-1,9	-2,5

* Подсчитано по данным в отдельных епархиях.

** За 1895–1909 гг. сведений о вакансиях в отчетах нет.

Подсчитано по: Freeze 1983: 100, 110, 152; Отчет Синода за 1866: 22–23; то же за 1870: 22–23; то же за 1880: 22–23, то же за 1885: 22–23; то же за 1890 и 1891: 20–21, 136–137; то же за 1894 и 1895; то же за 1910: 26–27.

Пример духовенства ясно показывает, что численность элиты изменялась не только под влиянием целенаправленной политики государства, ее число также и *саморегулировалось* благодаря механизму социальной мобильности. Когда спрос на услуги духовенства уменьшался или снижался престиж профессии или появлялись возможности хорошо трудоустроиться вне церкви, наблюдался отток духовенства из ведомства православного исповедания и возникал недостаток кадров. Например, в 1860-е гг., когда в связи с церковными реформами возник избыток священников, их дети

отреагировали на это уходом из ведомства, что создало дефицит кадров. Уменьшение спроса на услуги дьяконов вызвало их избыток сравнительно со штатным положением в 1860-е – 1880-е гг., что привело к оттоку их детей из ведомства, который породил дефицит дьяконов – к 1911 г. не хватало 12,6% от их штатного числа.

Уровень неравенства в пореформенной России в историографии преувеличен

Не подтверждается эмпирически и широко распространенный в марксистской историографии тезис о быстром увеличении неравенства в пореформенное время как вторым важнейшим факторе русской революции. Степень расслоения вольно или невольно преувеличивалась с целью доказать готовность позднеимперского российского общества к социалистической революции. На самом деле уровень неравенства среди крестьянства на рубеже XIX–XX вв., если его оценивать наиболее адекватным способом – коэффициентом Джини по доходу на душу населения, был невысоким – 0,133–0,206, и к 1917 г. едва ли мог увеличиться сколько-нибудь значительно. Большинство дореволюционных и западных исследователей, специально изучавших этот вопрос, полагало, что крестьянство до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношениях довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения (Миронов 1978: 106–115; Миронов 2003б, 1: 123–129). Именно поэтому в 1897 г. во всей империи (без Финляндии) *рабочих и прислуги* в возрасте 15 лет и старше, для которых работа по найму служила *главным средством к существованию*, насчитывалось всего 8432,3 тыс. из 77 332 тыс. – 10,9% всего населения (подсчитано по: Степанов 1905; Численность и состав рабочих 1906; Тройницкий 1905: 56–58); в 50 губерниях Европейской России – 6401 из 57430,2 тыс. или 11,1% (Рашин 1958: 182).

Чтобы получить представление об уровне имущественной дифференциации среди всего населения, рассчитаем на 1901–1904 гг. *децильный коэффициент дифференциации* доходов населения, который показывает, во сколько раз доходы 10% наиболее обеспеченных слоев (десятая дециль распределения доходов) превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения (первая дециль)³.

Беднейших людей следует искать среди рабочих, прислуги и люмпенизированных слоев населения, потому что у крестьян доходы в среднем были выше. По результатам обследования 1787 крестьянских бюджетов в 1873–1901 гг., их годовой доход находился в интервале от 255

³ Децильный коэффициент считается по-разному, в зависимости от исходных данных, в частности от того, закрыта или открыта верхняя и нижняя границы интервалов доходов (Ефимова, Бычкова 2004: 237).

до 721 руб. и в среднем равнялся 432 руб. на дворохозяина⁴ (Материалы Комиссии 1903: 36–38). А годовые заработки рабочих и прислуги находились в интервале 123–214 руб.: 123 руб. – у прислуги и поденщиков в 1904 г. (Города России 1906: 0453), 214 руб. – у фабрично-заводских рабочих в 1901 г. и около 200 руб.⁵ - у прочих категорий пролетариев (Кириянов 1979: 108). Доля рабочих и прислуги в самодеятельном населении составляла 10,9% от общего числа самодеятельного населения России в 1897 г., к которому в соответствии с принятыми в то время критериями отнесены лица обоего пола в возрасте 15 лет и старше (77332 тыс.).

Доходы меньшие, чем 123–214 руб., могли быть у нищих, бродяг, странников, богомолков, у лиц, призреваемых в богадельнях и приютах и находившихся в заключении. Согласно переписи 1897 г., их насчитывалось около 457 тыс. чел. обоего пола или 0,59% самодеятельного населения (Тройницкий 1905, 2: 264, 292). Представление о доходах этой беднейшей прослойки могут дать данные о стоимости содержания преступников в тюрьмах. В 1903 г. обеспечение одного из 100,1 тыс. российских *арестантов* без «квартиры» и охраны обходилось обществу в 43,2 руб. (питание – 29,2 руб., одежда, белье, обувь, постельные принадлежности – 13,2 руб., лечение, религиозные и культурные потребности, мыло, стирка и т.п. – 0,8 руб.), с расходами на жилище и охрану – 161,3 руб. Содержание (без жилища и охраны) одного здорового нерчинского *каторжанина* обходилось государству дешевле – 38,6 руб., со всеми расходами – 137,8 руб. Один несовершеннолетний (от 10 до 17 лет) заключенный в исправительном заведении стоил обществу (со всеми расходами) от 67,8 руб. до 383,8 руб. Дополнительно в среднем по 5,8 руб. в год арестанты зарабатывали личным трудом (Отчет по тюремному управлению 1905: 15, 100, 119, 147, 159, 172–173, 236).

Таким образом, без учета расходов на жилье и охрану содержание одного заключенного в год требовало примерно 50 руб., с «квартирой» – около 70 руб. Последнюю цифру и примем за «доход» низшей страты российского общества в 1901–1904 гг. Тогда средний годовой доход 10% населения с минимальными доходами (оно состояло на 0,59% из люмпенов, на 4,31% – из прислуги и поденщиков и на 5,1% – из фабрично-заводских рабочих) равнялся приблизительно 161 руб. (см. Табл. 13):

⁴ Лишь в одном хозяйстве годовой доход был ниже 200 руб., который как экстремальный случай не будем учитывать. В сибирских губерниях в 1890–1897 гг. средний доход в 1005 хозяйствах составлял 605 руб.

⁵ На мелких предприятиях заработки были ниже, чем у фабрично-заводских рабочих (Кириянов 1979: 192–206; Крузе 1976: 194–195; Потолов 1963: 157). Оплата труда в сельском хозяйстве была ниже, чем в промышленности (Корелин 1995: 311).

Табл. 13. Расчет среднего дохода
10% беднейшего населения России
в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.	Численность		Суммарный доход, тыс. руб.
		тыс.	%	
Фабрично-заводские рабочие	214	804,0	1,04	172056
Прочие рабочие	200	3140,2	4,06	628040
Прислуга и поденщики	123	3332,0	4,31	409836
Нищие, бродяги, арестанты и пр.	70	457,0	0,59	31990
	161	7733,2	10,00	1241922

Подсчитано по: Опыт исчисления народного дохода 1906: XXXV; Степанов 1905; Численность рабочих 1905–1906; Тройницкий 1905, 1: 56–58; 2: 256–257; Города России 1906: 0453; Рашин 1958: 182; Кирьянов 1979: 108.

Оценим теперь доход 10% богатейшего населения страны. Созданная в мае 1905 г. Комиссия по вопросу введения подоходного налога при Министерстве финансов собрала материалы о числе потенциальных налогоплательщиков в 1901–1904 гг. и 1909–1910 гг. Комиссия установила минимум дохода для уплаты налога в 1000 руб., ввиду чего все лица, чьи доходы (от земли, городских недвижимых имуществ, от торгово-промышленных капиталов, денежных капиталов или личного труда) превышали 1000 руб. в год, подлежали обложению. 1000 руб. – не слишком значительная сумма: она только в 4,7 раза превышала заработок российского фабрично-заводского рабочего в 1904 г. На рубеже XIX–XX в. более 1000 руб. зарабатывали адвокаты, профессора, успешные журналисты, известные артисты, врачи (например, средний оклад жалованья земских врачей составлял 1200–1500 руб.) (Рубакин 1912: 90). Годовое жалованье младшего офицера в 1901–1904 гг. с учетом столовых и квартирных денег превышало 1000 руб. в год (Зашук 1913).

В целом по империи (без Финляндии) в 1901–1904 гг. таких состоятельных людей-налогоплательщиков насчитывалось лишь 404,7 тыс., что составляло 0,52% от общего числа самодеятельного населения России в 1897 г.⁶ Их годовой доход составлял 4814,7 тыс. руб. У

⁶ Число лиц, обладавших весьма незначительным полным имущественным цензом для участия в выборах в Государственную Думу, земства и городские думы, в 1907 г. также было невелико – лишь 276 тыс. (МВД 1911: 266; Корелин 1995: 266).

следующих по доходу 9,42% состоятельных граждан (10,00–0,52) максимальный средний доход не мог быть более 1000 руб. в год, а минимальный – менее 300 руб., так как нижняя граница 10% богатейших семей равнялась 1000 руб., а верхняя граница дохода беднейших 10% семей – 214 руб. У этого второго зажиточного слоя средний доход в год составлял около 650 руб., а у всех 10% состоятельных семей – 934 руб. (см. Табл. 14):

Табл. 14. Расчет среднего дохода 10% богатейшего населения России в 1901–1904 гг.

Категория населения	Средний доход, руб.	Численность		Суммарный доход, тыс. руб.
		тыс.	%	
Лица с доходом 1000 руб. и выше	6070	404,7	0,52	2 456 529
Лица с доходом менее 1000 руб.	650	7328,5	9,48	4 763 525
	934	7733,2	10,00	7 220 054

Источники указаны в примечании к Табл. 13.

На основании сделанных расчетов можно сделать вывод, что доходы 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения в 1901–1904 гг. различались примерно в 5,8 раза (934:161). Повышение среднего дохода второй по зажиточности группы с 650 руб. до максимально возможных 1000 руб. увеличивало децильный коэффициент с 5,8 до 7,8, а его уменьшение до 300 руб. понижало децильный коэффициент с 5,8 до 3,7. Уменьшение или увеличение среднего дохода низших по доходности групп на 20–30 руб. изменяло децильный коэффициент в сторону повышения или понижения лишь на 0,2. Следовательно, децильный коэффициент в начале XX в. во всех случаях находился в границах 3,7–7,8, и даже максимально возможная его величина не была социально опасной.

Данные о доходах белого духовенства Владимирской губернии в 1863 г. до некоторой степени иллюстрируют уровень неравенства среди всего населения России, так как духовенство было материально дифференцировано меньше, чем городское сословие и дворянство, но больше, чем крестьянство: нормативное различие в доходах между протоиереем, священником, дьяконом и псаломщиком находилось в пропорции 4:3:2:1 (Отчет Синода за 1913: 179). Средний годовой доход 10% самых богатых причтов равнялся 1037 руб., а 10% самых бедных – менее 148 руб., децильный коэффициент – 7 (см. Табл. 15):

Табл. 15. Распределение годовых доходов по причтам Владимирской епархии в 1863 г.

Доходы, руб.	Число причтов	%	Сумма дохода	%
100-	209	16,1	20900	5,7
100-199	305	23,6	45750	12,4
200-299	305	23,6	76250	20,7
300-399	216	16,7	75600	20,5
400-499	121	9,3	54450	14,8
500-599	60	4,6	33000	8,9
600-699	37	2,9	24050	6,5
700-799	19	1,5	14250	3,9
800-899	10	0,8	8500	2,3
900-999	6	0,5	5700	1,5
1000+	7	0,5	10500	2,8
Итого	1295	100	368950	100

Источник: Миронов 2003б, 1: 110.

Интересно отметить, что уровень неравенства среди наиболее состоятельной части населения России в начале XX в. не имел тенденцию возрастать. С 1901–1904 по 1909–1910 гг. доля доходов двух низших групп по доходу увеличилась на 7,7%, а доля двух высших групп, наоборот, уменьшилась на 7%; доля двух средних групп почти не изменилась (см. Табл. 16):

Табл. 16. Распределение доходов свыше 1000 руб. в месяц в России в 1901–1905 и 1909–1910 гг.

Группы населения по доходу (руб.)	1901–1904 гг.			1909–1910 гг.		
	Число лиц, тыс.	Сумма доходов		Число лиц, тыс.	Сумма доходов	
		млн руб.	%		млн руб.	%
1001–2000	220,5	317,2	18,4	396,5	553,5	20,9
2001–5000	120,9	343,5	19,9	216,1	662,8	25,1
5001–10000	37,1	229,5	13,3	52,0	357,4	13,5
10001–20000	16,1	193,7	11,2	19,9	273,5	10,3
20001–50000	7,3	189,3	11,0	8,7	259,7	9,8
50000+	2,8	450,5	26,1	3,5	537,8	20,3
Итого	404,7	1723,7	100	696,7	2644,7	100

Подсчитано по: Опыт исчисления народного дохода 1906: XXXV; Подоходный налог 1910: 82–84.

Децильный коэффициент дифференциации, равный 6–7, следует признать *невысоким и социально безопасным*. В начале XX в. в большинстве западноевропейских стран уровень имущественного неравенства был выше, чем в России. Например, в США децильный коэффициент дифференциации⁷ в 1913–1917 гг. находился в интервале 16–18⁸, в 1929 г. равнялся 18,2, в 1950 г. – 16,0, в 1970 г. – 18 (подсчитано мною по данным из: Historical Statistics 1975: 290, 300). В 1913 г. 1% самых богатых людей получал 14,4% всех доходов, а 5% самых богатых – около 25% (Historical Statistics 1975: 302).

Колоссальное имущественное неравенство существовало в Великобритании (см. Табл. 17)

Табл. 17. Дифференциация семей по доходам в Великобритании в 1885–1889 гг.

Социальная группа	Число семей		Средний доход в год		Доход группы	
	абс.	%	фунтов	руб.*	тыс. фунтов	%
Миллионеры	700	0,01	855000	8550000	598500	6,3
Очень богатые	9650	0,14	190000	1900000	1833500	19,2
Богатые	148250	2,18	26500	265000	3928625	41,2
Средние	730500	10,72	3200	32000	2337600	24,5
На грани бедности	2008000	29,47	340	3400	682720	7,2
Бедные	3916900	57,48	38**	380	148842	1,6
Итого	6814000	100			9529787	100

* По курсу на Лондонской бирже, без учета покупательной способности валют.

** По зарплате сельскохозяйственного рабочего.

Подсчитано по: Mulhall 1892: 77, 579, 591; Lejeune 1894: 235.

В 1880-е гг. 3,9 млн семей относились к бедным и жили на низкую зарплату или мизерное пособие по бедности. Средний доход этой группы можно оценить по средней годовой зарплате сельскохозяйственного рабочего в 1885 г., которая равнялась 14 шиллингов и 6 пенсов в неделю или 37,7 фунта стерлингов в год (Mulhall 1892: 579). Средний доход высших 10% составлял 11746,4 фунта в год, низших 10% – 38 фунтов⁹,

⁷ Подсчитано мною по той же методике, которая использовалась при оценке децильного коэффициента для России.

⁸ Неравенство в 1913–1917 гг. было меньше, чем в 1929 г., но больше, чем в 1950 г. (Подсчитано по: Historical Statistics 1975: 302).

⁹ Средняя поденная зарплата российских сельскохозяйственных рабочих на своем содержании в 1881–1890 гг. составляла 42 коп., в год – около 153 руб. (0,42 × 365) (Материалы Комиссии. 1903: 236).

децильный коэффициент оказался феноменально высоким – 309 (*sic!*). Несомненно, в других европейских странах уровень неравенства был ниже, чем в США и особенно в Великобритании, но вряд ли ниже, чем в России. Например, в Пруссии, он был несколько выше (Опыт исчисления народного дохода 1906: XXXIX).

В Советском Союзе равенства было больше. Например, по данным о *душевых* доходах в СССР в 1990 г. децильный коэффициент дифференциации составлял 4. Но в постсоветской России он сразу существенно поднялся: в 1995 г. до 14,5 (Росс. ежегод. 1997: 142), к середине 2007 г. – до 16,8¹⁰. В конце XX в. в западных странах уровень неравенства был выше, чем в дореволюционной России. Например, в Германии в 1988 г. децильный коэффициент по семейным доходам составил 8,2 (подсчитано мною по данным из: Базелер и др. 2000: 676), в США в 2000 г. – от 28 до 49¹¹ (подсчитано мною по данным из: Масионис 2004: 368).

Таким образом, имущественное неравенство в начале XX в. в России было ниже, чем в западных странах. Поэтому предположение об огромном неравенстве доходов в позднеимперской России как главном факторе русской революции не подтверждается эмпирически. Если сравнивать бедного крестьянина с Романовыми, Шереметьевыми, Юсуповыми и им подобными русскими аристократами, то неравенство, конечно, было громадным, хотя и намного меньшим, чем в современной России между олигархами и остальным населением. Например, в 1998 г., по сведениям американского журнала *Форбс*, пятеро самых богатых людей России (В. Потанин, Р. Вяхирев, М. Ходорковский, В. Алекперов и Б. Березовский) располагали годовым доходом большим, чем все 38,8 млн пенсионеров, и больше, чем 19,4 млн рабочих и служащих со средним заработком в 600 руб. в месяц (Ефимова, Бычкова 2004: 237). Но если сравнивать целые страты богатых и бедных, то различия в начале XX в., как показано выше, были умеренными.

Сделанный вывод подтверждают результаты произведенной в 1917–1918 гг. конфискации имущества состоятельных людей, которая не

¹⁰ Режим доступа: http://newtimes.ru/magazine/2008/issue060/art_0012.xml. Величина децильного коэффициента существенно зависит от того, как оцениваются доходы самых бедных и самых богатых (в частности, учитываются ли их теневые доходы), какие принимаются границы интервалов по доходам. Поэтому расчеты коэффициента, выполненные разными авторами по различным источникам, сильно различаются и находятся в интервале от 15 до 55. Распределение населения по доходам в «Российских статистических ежегодниках», издаваемых Росстатом, не позволяет правильно подсчитать децильный коэффициент – последний получается заниженным, так как верхняя граница доходов очень низкая. Например, в Ежегоднике за 2007 г. она составляет лишь 12 тыс. руб., к группе лиц с такими доходами относятся 26,5% россиян (Рос. ежегод. 2007: 196).

¹¹ 28, если за средний семейный доход самых бедных 10% семей принять 10 тыс. в год, и 49, если за таковой взять 6 тыс. дол. (в источнике указан открытый интервал – менее 1 тыс. дол.).

увеличила сколько-нибудь существенно богатство российских трудящихся. Экспроприация частных имений на 63,2% завершилась в ноябре 1917 г. – январе 1918 г. и на 100% к лету 1918 г. (История советского крестьянства 1986: 51). Благодаря ей фонд крестьянских земли в 36 губерниях Европейской России, где имелось значительное частное землевладение, увеличился лишь на 23% (О земле 1921: 8–9). Конфискованная земля была разверстана уравнительно, поступив в распоряжение не только тех, кто занимался земледелием осенью 1917 г., а всех наличных крестьян, которых, ввиду их массового исхода из городов после революции и демобилизации, оказалось на 8 млн больше. В переводе на душу прирезка земли оказалась намного меньше, чем ожидалось, – в среднем около 0,5 десятины (0,6 га) (Книпович 1920: 9). Крестьяне захватили также инвентарь (на 300–350 млн царских зол. руб.), скот и другое имущество привилегированных частных владельцев. В 1917 г. по 47 губерниям последним принадлежало 4 млн из 154,6 млн голов скота. Его конфискация могла увеличить поголовье крестьянского скота весьма незначительно: крупного рогатого – на 2,8%, мелкого – на 2,2% (Стат. сб. 1921: 185, 193, 210, 215). Сельскохозяйственные переписи 1917 и 1919 гг. этот расчет подтверждают: численность скота на душу населения в 1919 г., после конфискации, практически не изменилось (Эк. расслоение 1922: 11). В целом имущество и доходы крестьян (благодаря национализации земли, конфискации всего имущества привилегированных слоев, списанию долгов и освобождению от всех поземельных долгов, арендной платы и поземельного налога) могли возрасти на 20% (Гладков 1979: 80–84). Такое увеличение доходов проблемы бедности решить в долгосрочной перспективе не могло.

Итак, проблема перепроизводства российской элиты и степени удовлетворения ее материальных и духовных потребностей важна как для понимания исторического процесса в России, так и для анализа происхождения русской революции начала XX в. Ее постановка является заслугой сторонников структурно-демографической теории. Однако проверка гипотезы о «гигантском» перепроизводстве российской элиты и недостатке ресурсной базы для ее воспроизводства *в мальтузианском смысле* не подтверждается эмпирически. Если же смотреть на человеческие потребности широко и учитывать духовные потребности, в частности политические амбиции российской элиты, то они не были удовлетворены, что несомненно послужило важнейшим фактором русских революций начала XX в. Материальное неравенство в обществе начала XX в. было умеренным, и потому также не могло быть главным фактором революции. Его степень намеренно преувеличивалась либеральной, а в советской время марксистской историографией для доказательства тезиса о необходимости и неизбежности революции.

Какая теория нам нужна

Хорошо известно, что нет ничего практичнее, чем *хорошая* теория. Для объяснения причин революций в настоящее время используются марксистская, структурно-демографическая и модернистская теории. Как справедливо заметил Н. С. Розов: «Никакие теоретические доводы не могут перевесить фактологические суждения, корректно полученные на основе анализа данных. Скорее, теоретические положения бывают опровергнуты эмпирическими фактами, особенно если они надежно воспроизводятся на обширном материале и разными учеными или исследовательскими группами». Несостоятельность марксистской интерпретации русских революций можно считать доказанной, поскольку она *в целом* не выдержала эмпирической проверки, хотя частные ее аспекты заслуживают внимания. Насколько применимы две другие теории к российским реалиям?

Структурно-демографическая концепция и российская реальность

В классическом мальтузианстве социально-экономический кризис – это прежде всего *демографический* кризис, вызванный *опережающим темпом роста населения* сравнительно с ресурсами. Другими словами, это *ресурсный* кризис, вызванный стихийным, т.е. не контролируемым обществом и индивидом, естественным приростом населения. С точки зрения мальтузианства, главные причины периодического обострения нужды и бедности две: высокая рождаемость (по причине стихийности, или нерегулируемости) и закон падающей производительности земли (в современной трактовке закон о падающей производительности труда, примененного к участку земли с фиксированной площадью, или, более широко, закон убывающей производительности любого переменного ресурса при прочих фиксированных).

Классическая теория, рассматривающая рост населения как *непосредственную* причину социально-экономического кризиса, не нашла эмпирического подтверждения. Поэтому ей на смену пришла структурно-демографическая теория, которая утверждает, что рост населения, превышающий увеличение производительности сельскохозяйственных угодий, вызывает кризис государства не прямо, а *косвенно*, посредством воздействия на экономические, политические и социальные институты (Турчин 2007: 173). Новизна такого подхода состоит в том, что, во-первых, постулируется *существование лага* между кризисом внизу, в потреблении народных масс, и кризисом наверху – в элите и государстве, во-вторых, конструируется механизм воздействия экзистенциального кризиса на социальные институты через дефицит государственных финансов, перепро-

изводство элиты и внутриэлитную конкуренцию, пауперизацию и недовольство крестьянства, увеличение в населении доли молодежи, идеологические конфликты и т.п. *Суть же концепция осталась прежней, мальтузианской – увеличение населения обгоняет рост ресурсов.* Поэтому структурно-демографическая теория, на мой взгляд, также не может дать адекватного объяснения *российской* истории ни в доиндустриальную, ни в переходную к индустриальной эпоху по той же причине, как и в случае с классическим мальтузианством: Россия никогда не испытывала дефицита земли и перенаселения в масштабе всей страны, следовательно, не могла попасть в мальтузианскую ловушку. Ее границы были открыты на Юге, Востоке; огромные пространства и постоянная колонизация обеспечивали потребности населения в сельскохозяйственных угодьях (см. Табл. 18):

Табл. 18. Рост населения Российской империи в XVII – начале XX в.

Год	Все население, млн	Население в границах России 1646 г.		Население на присоединенной территории		Плотность населения в России, человек на 1 кв. км		
		млн	%	млн	%	в текущих границах	Европейская Россия*	Сибирь
1646	7,0	7,0	100	-	-	0,5	1,6	0,0
1678	11,2	9,6	85,7	1,6	14,3	0,8	1,7	0,0
1719	15,6	13,6	87,2	2,0	12,8	1,1	3,5	0,0
1762	23,2	18,1	78,0	5,1	22,0	1,6	5,2	0,1
1782	28,4	22,1	77,8	6,3	22,2	2,0	6,2	0,1
1796	37,4	23,8	63,6	13,6	36,4	2,3	7,5	0,1
1815	46,3	28,6	61,8	17,7	38,2	2,7	8,8	0,1
1858	74,5	40,8	54,8	33,7	45,2	4,1	12,4	0,2
1897	128,9	52,0	40,3	76,9	59,7	5,9	19,5	0,5
1914	178,4	73,0	40,9	105,4	59,1	8,2	26,6	0,8

* Без Польши, Финляндии и Северного Кавказа.
 Источник: Миронов 2003б, 1: 20.

С 1646 г., когда появляются более или менее надежные данные о числе жителей России, и до 1914 г. плотность населения даже в европейской части страны не поднималась выше того предела – 25–35 человек на кв. км., который угрожал аграрным перенаселением при использовании трехпольной системы земледелия, особенно в сочетании последней с умеренным городским и промышленным развитием, характерным для Европы в 1600–1850 гг. (Урланис 1941: 377; Булгаков 2000: 499–500). К моменту отмены крепостного права в 1861 г. плотность населения составляла в Европейской России 12,4, в целом по стране – 4,1 чел. на кв. км, при которой даже двухполье могло обеспечить потребности страны в продовольствии. До середины XIX в. плотность населения была еще ниже, следовательно, и вероятность перенаселения была еще меньше. Таким образом, емкость экологической ниши, равная тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, при средней для данного периода урожайности и потреблении по минимальной возможной норме (Нефедов 2005: 14) не была достигнута.

Весьма существенно, что с середины XVI в. колонизация происходила с Севера в южном и восточном направлениях, вследствие чего центр населенности смещался на юго-восток, в те регионы, где плодородие почвы было выше и условия для сельскохозяйственного производства – лучше (см. Табл. 19):

Табл. 19. Площадь природных зон Европейской России и распределение населения между ними в 1678, 1719, 1795, 1856 и 1914 гг.

Зона	Площадь, в %					Население, в %				
	1678 г.	1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.	1678 г.	1719 г.	1795 г.	1856 г.	1914 г.
Северная	46,4	43,9	41,8	39,8	38,5	12,8	13,0	10,3	11,3	9,4
Лесная	12,1	14,7	19,8	18,9	18,3	57,0	40,1	37,4	31,0	28,3
Лесостепная	20,9	19,8	21,6	20,7	20,0	27,9	44,3	45,6	44,7	41,2
Южная степная	20,6	21,6	16,8	20,6	23,3	2,3	2,6	6,7	13,0	21,1
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Миронов 2003б, 1: 45.

Колонизация в южном направлении увеличивала не только общий земельный фонд, но и степень его использования, так как по мере перемещения границы на юг доля земли, пригодной для земледелия и скотоводства, возрастала. Но самое существенное состояло в том, что продвижение на Юг уменьшало издержки производства и повышало производительность труда, которая в районах земледельческой колонизации была благодаря более высокому естественному плодородию почвы в 2–3,8 раза выше, чем в районах старого заселения (Миронов 2003б, 1: 49–50).

По мнению самих последователей неомальтузианской концепции, сфера ее приложения должна быть ограничена традиционным доиндустриальным обществом, поэтому она и использовалась западными исследователями для объяснения исторического развития Европы только в эпоху средних веков и начала Нового времени, т.е. до начала и максимум до середины XVIII в. (Нефедов 2005: 17). Нет оснований игнорировать этот вывод и относительно других стран. Коррекцию целесообразно внести только в верхнюю хронологическую границу: для России ее можно поднять до середины XIX в., поскольку индустриальная революция началась в ней на столетие позже, чем в Англии. Приложение структурно-демографической теории к пореформенной России несостоятельно в той же мере, как и к западноевропейским странам в 1751–1850 гг., потому что изменения в российской экономике в 1861–1913 гг. не уступали тем, которые наблюдались в западноевропейских странах (не из числа самых передовых, по крайней мере) в 1751–1850 гг. О масштабах перемен в пореформенной России дает представление динамика индекса человеческого развития (см. Табл. 20):

Табл. 20. Население, рост мужчин в годы рождения и индекс человеческого развития в России в 1851–1914 гг.

Годы	Население, млн	Валовой внутренний продукт на д.н.*		Грамотность обо-го пола		Средняя продолжительность жизни		Индекс человеческого развития	Рост мужчин, см
		Дол.	Индекс	%	Индекс с	Лет	Индекс		
1851-1860	73,5	701,0	0,381	14,8	0,148	27,1	0,035	0,188	164,5
1861-1870	78,4	675,9	0,374	17,2	0,172	27,9	0,048	0,198	164,1
1871-1880	91,7	666,4	0,372	20,1	0,201	28,8	0,063	0,212	166,5
1881-1890	110,6	679,9	0,375	23,4	0,234	29,7	0,078	0,229	167,3
1891-1900	125,8	790,7	0,402	28,9	0,289	31,2	0,103	0,265	166,7
1901-1910	147,6	928,1	0,430	34,7	0,347	32,9	0,132	0,303	167,4
1911-1914	171,3	981,6	0,440	39,6	0,396	33,5**	0,141	0,326	168,9

* В долларах США 1989 г. ** 1904–1913 гг.

Подсчитано по: Вишневский, Волков 1983: 61; Миронов 1991: 82, 146; Миронов 1994: 111–125; Грегори 2003: 22, 232–237.

Индекс человеческого развития после Великих реформ увеличился с 0,188 до 0,325. Пореформенная Россия испытывала интенсивный экономический рост. Темпы развития в 1861–1913 гг. были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,84 раза, а на душу населения – в 1,63 раза. Душевой прирост объема производства составлял 85% от средневропейского. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только средневропейских, но и «среднезападных» – валовой национальный продукт увеличивался на 3,3% ежегодно. Из великих держав только в США они были выше – 3,5% (Грегори 2003: 61–62). Стоимость производства промышленных потребительских товаров на душу населения в ценах 1913 г. увеличилась только за 1887–1904 гг. в 1,25 раза (Грегори 2003: 67). Доля промышленности и сферы услуг в 1909–1913 гг. в чистом национальном продукте составляла 49% (Грегори 2003: 79) и через несколько лет мирной жизни она превысила бы 50% (см. Табл. 21):

Табл. 21. Динамика российского национального дохода по секторам экономики (среднегодовой темп роста в %)

<i>Сектор</i>	<i>С 1883–1887 по 1897–1901 гг.</i>	<i>С 1897–1901 по 1909–1913 гг.</i>
Сельское хозяйство	2,25	3,0
Промышленность	5,45	3,6
Торговля и услуги	2,50	2,8
Весь национальный доход	3,40	3,1

Источник: Грегори 2003: 67.

Динамично развивалась не только промышленность и сфера услуг, но и сельское хозяйство, которое, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало так же быстро, как в целом в Европе. Как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах быстро расширялось использование сельскохозяйственных машин и удобрений, совершенствовалась агротехника, в посевах увеличивалась доля культур, востребованных рынком и требующих больших знаний и качественного труда, неуклонно повышалась урожайность, росли инвестиции. С конца XIX в. страна переживала буквально бум кредитной кооперации; ссудный капитал играл в развитии аграрного сектора все более заметную роль; расширялась сеть сельскохозяйственных учебных заведений (Безгин 2004: 43–49). Об успешности развития сельского хозяйства говорят среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства (1,3% в 1883–1913 гг.) и оборудования, построек и скота (2% в 1890–1904 гг.) (Грегори 2003: 34, 67). Производ-

ство продовольствия на душу населения за 1881–1913 гг. увеличилось в 1,5 раза (с 13,6 до 20,7 пуда) (Грегори 2003: 136). Производительность труда в сельском хозяйстве России была выше, чем в Италии, Испании и Японии, а темпы ее повышения – больше, кроме перечисленных стран, также чем во Франции и Великобритании (Nove 1991: 14–15).

В пореформенное время Россия стала страной с рыночной экономикой: хозяйственные решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате стандартных рыночных механизмов, вследствие чего приложение к пореформенной России норм традиционной аграрной экономики стало некорректным.

Напомним, что в пореформенное время в России начался демографический переход, который сопровождался установлением сознательного индивидуального контроля за рождаемостью и естественным приростом населения, что в недалеком будущем принципиально исключало возможность перенаселения.

В силу вышеизложенного, попытка применения структурно-демографической теории для объяснения российской истории 1861–1913 гг. не может быть удачной. Однако, как показывает книга С. А. Нефедова, теория мало что объясняет и в истории России более раннего времени (Нефедов 2005). Трудности, с которыми столкнулся автор, усугублялись отсутствием надежной эмпирической базы для периода до середины XIX в. Напомню, что сколько-нибудь правдоподобные данные о численности населения России имеются только с 1646 г., а за предшествующий период мы располагаем весьма ориентировочными оценками, основанными на фрагментарных сведениях и сравнительно-исторических аналогиях. Оценки расходятся чрезвычайно сильно: Б. Ц. Урланис определяет численность населения на 1550 г. в 8,8 млн, на 1600 г. – 11,3 млн (Урланис 1941: 190–191), А. И. Копанев – соответственно 9–10 млн и 11–12 млн (Копанев 1959: 232–254), Я. Е. Водарский – соответственно 6,5 и 7 млн (Водарский 1973: 27).

Сведения о других показателях, стандартно используемых в структурно-демографическом анализе – о ценах большого набора товаров и зарплате *в форме динамических рядов*, отсутствуют для XV–XVII вв.; для XVIII – первой половине XIX в. имеются только по одному городу – Петербургу. Сведения о ренте и ценах на землю за XV–XVII вв. фрагментарны; они далеки от полноты и для XVIII – первой половины XIX в. С. А. Нефедов пытается справиться с источниковедческими трудностями весьма своеобразно – *он конструирует историческую реальность* в соответствии с постулатами структурно-демографической теории, полагая, что она объективно отражает действительность. Автор устанавливает следующую периодизацию:

- 1450–1500 гг. – период восстановления и роста.
- 1501–1550 гг. – период сжатия.
- 1560 – начало 1570-х гг. – 1-й экосоциальный кризис.
- 1568–1571 гг. – демографическая катастрофа.
- 1601–1603 гг. – 2-й экосоциальный кризис (Нефедов 2005: 94–98).
- XVII–XVIII вв. – период восстановления и колонизации (Нефедов 2005: 191–197).
- XIX в. – период сжатия, первые признаки с 1730-х гг.
- Начало XX в. – тотальный кризис (Нефедов 2005: 421–425).

Для второй половины XV в., по утверждению С. А. Нефедова, характерны малая плотность населения, изобилие свободных земель, высокая реальная заработная плата, низкая рента (Нефедов 2005: 45). В доказательство приводятся следующие лапидарные сведения, которые привожу буквально:

«Приезжавшие в Россию иностранцы писали о больших лесах и изобилии хлеба. “Вокруг города (Москвы. – С. Н.) большие леса, их ведь вообще много в этой стране, – отмечал Амброджо Контарини. – Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками”. “Значительную часть Московии занимает Герцинский лес, – записал Паоло Джовио со слов русских послов, – но он там и сям заселен, и повсюду в нем расположены строения. Вообще от продолжительной работы людей он стал уже гораздо реже”. Московский посол, повидавший многое грек Георгий Перкамото, рассказывал в 1486 г. в Милане, что “в этой стране есть громадное количество крупного и мелкого скота, ... что у них есть громадное количество зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы... особенно в тех местах, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто мог бы взять его и отправить в другое место”» (Нефедов 2005: 45–46).

Мифологические, легендарные сведения принимаются за надежные.

С. А. Нефедов критиковал мои расчеты среднего дохода крестьян на 1877–1901 гг., полученного по результатам бюджетных обследований 1717 хозяйств с 13,8 тыс. населения в 13 губерниях, на том основании, что 1717 бюджетов *недостаточно* для надежного вывода. «Для репрезентативности бюджетных обследований в 1920-е годы, – указывал он, – считалось необходимым проведение порядка 16 тысяч описаний каждый год, причем распределение описываемых хозяйств соответствовало территориальному распределению населения». Однако число наблюдений во всех его расчетах для XV–XVIII вв. не только не достигало 16 тыс., но было много меньше, чем 1717, и нередко ограничивалось единицами. Например, в доказательство высокой зарплаты говорится: «В 1520-х годах неквалифицированный поденщик в Москве получал 1,5 деньги в день, в пе-

реводе на рожь это составляет 9,6 кг зерна – это примерно соответствует уровню оплаты работников в Германии в 1490–1510-х годах, т.е. высокому уровню зарплаты» (Нефедов 2005: 46). Приведенных сведений не только мало – одно неопределенное упоминание о зарплате, но и интерпретируются они некорректно. Зарплата в Москве приведена по сведениям иностранца С. Герберштейна в 1526 г., а перевод на зерно сделан по ценам в Новгороде в 1524 г. Между тем в Русском государстве в XVI в. не было единого рынка, движение цен в разных местностях было асинхронным, они различались по уровню в 4–5 раз и быстро и резко изменялись по годам: цены в московских деньгах за четверть (6 пуд.) в Новгороде в 1524 г. – 15, 1535 г. – 12 денег, в 1544 г. – 60, в 1551 г. – 32, в 1560 г. – 36 денег, 1564–1565 гг. – 25, 1571 г. – 63, 1586 – 130 (за 1525–1534, 1536–1543, 1545–1550, 1552–1559, 1572–1585 гг. сведений нет) (Шапиро 1974: 21).

При расчете производства и потребления хлеба в XVI в. С. А. Нефедов берет весьма неопределенные данные о ренте и крестьянской пашне по *центральному* областям за 1490–1565 гг., об урожае – за вторую половину в *Центральной России* XVII в., о составе семьи по *северо-западным* областям – на рубеже XV–XVI вв. Причем, чтобы это установить мне потребовалось самому обратиться к соответствующей литературе, потому что автор не дает характеристики используемых данных. Да, и ссылки его не всегда точны. В Торопецкой переписной книге 1540 г. «оброки были расписаны до мельчайших деталей», – пишет он и ссылается на с. 49 книги Е. Н. Колычевой, где этих данных нет. Со ссылкой на «Аграрную историю» автор сообщает, что «государственные налоги составляли лишь 2,5% дохода крестьянина» (Нефедов 2005: 46), но и там этих сведений нет. Со ссылкой на Колычеву (Колычева 1987: 182) автор говорит о нашествии татар в 1571 г. (Нефедов: 2005: 69–70), там этих сведений нет. «К XVI веку датские крестьяне были обращены в рабов», – пишет автор (Нефедов 2005: 78), но источник, на который он ссылается, говорит только о развитии крепостного права. Неверные ссылки, неточная информация, встречающиеся по всей книге, чрезвычайно затрудняет понимание текста.

В тех случаях, когда выводы историков не соответствуют представлениям С. А. Нефедова, он их игнорирует, а приводимые ими сведения прямо искажает. Согласно выводам исследовательской группы А. Л. Шапиро для Северо-Запада и Е. И. Колычевой для центральных районов, первая половина XVI в. была благоприятным периодом в истории крестьянства. Первые негативные явления замечены только в 1550-е гг. (Шапиро 1974: 290–299; Колычева 1987: 172–200). С. А. Нефедов же относит первую половину XVI в. к *фазе сжатия*, которая характеризуется прекращением или замедлением роста продовольственного предложения при продолжа-

ющемся росте населения, что в конечном итоге приводит к продовольственному кризису.

С. А. Нефедов утверждает, что «в соответствии с положениями неомальтузианской теории уровень податей и повинностей в период после Смуты был очень низким, в несколько раз более низким, чем в другие эпохи» (Нефедов 2005: 111). Почти все расчеты для доказательства этого тезиса делаются по данным Ю. А. Тихонова, который, однако, делает совсем другой вывод: «Возрастание средних размеров барщинных и оброчных повинностей, приходящихся на крестьянский двор, говорит о прогрессирующей тяжести владельческого тягла на протяжении XVII – первой четверти XVIII в. <...> Укрупнение крестьянского двора в помещичьих имениях не имело массового характера, так что увеличение дворовых норм тягла отражало реальные сдвиги в объеме феодальной эксплуатации» (Тихонов 1974: 309).

С. А. Нефедов пишет: «Теория демографических циклов утверждает, что период восстановления должен характеризоваться не только низким уровнем ренты, но и сравнительно высоким уровнем жизни населения» (Нефедов 2005: 111). Правильность позитивного прогноза для России XVII в. доказывает двумя расчетами. Первый он заимствует у Р. Хелли. По собранным последним сведениям (за более чем столетний период всего 940 записей о ценах на рожь и 88 записей – о зарплате), *в среднем по России за 120 лет (1601–1720 гг.) (sic!)*, цена четверти ржи равна 60 коп., а средняя поденная плата работника за 90 лет, 1635–1725 гг., – 5 коп. (Hellic 1999: 13, 451). На основе этого делается вывод, что на заработок можно было купить *в течение столетия* от 8,2 кг (если четверть весила 6 пуд.) до 10,9 кг хлеба (если четверть весила 8 пуд) – Р. Хелли не оговаривает вес четверти. Подобный расчет, во-первых, статистически ненадежен и некорректен: он основан на небольшом числе данных о зарплате, учитывающая длительность периода, неравномерность распределения данных в отдельные десятилетия и большую территорию; нельзя объединять в одну группу данные о таких изменчивых показателях, как цены и зарплата, относящиеся к разным местностям за 90–120 лет, поскольку показатели резко колебались по местностям и по годам – в 3–5 раз (см. Табл. 22):

Табл. 22. Динамика розничных хлебных цен в России в 1601–1700 гг. (1701–1710 гг.=100)

Годы	1601-10	1611-20	1621-30	1631-40	1641-50	1651-57	1658-63	1664-70	1671-80	1681-90	1691-1700
Индекс номинальных цен	134	191	165	147	119	106	178	245	244	77	107

Индекс цен в серебре**	366	390	321	209	209	287	313	431	253	136	155
------------------------	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

Источник: Миронов 1985: 112.

Вычисление среднего уровня цен в такой ситуации равносильно определению средней температуры больных в большом госпитале. К тому же данные по годам и территории распределялись неравномерно. Например, по зарплате 63% сведений относились к олонечскому региону в 1669–1773 гг. (Hellie 1999: 419, 451). Во-вторых, расчет ничего не говорит о *динамике*, поэтому Р. Хелли воздерживается от каких-либо выводов об изменении зарплат и цен. Но недостатки расчета С. А. Нефедова не останавливают.

Второй расчет делает сам С. А. Нефедов, основываясь лишь на 10 записях (*sic!*) о ценах ржи-овса и зарплате разного рода поденщиков в 1640-е – 1650-е гг. и на 6 записях (*sic!*) за 1690-е гг., преимущественно в Москве и Подмоскowie (Нефедов 2005: 115). По этим данным получается, что номинальная зарплата с середины по конец XVII в. понизилась на 10%, цены – на 33%, следовательно, реальная зарплата якобы выросла на 21%. Однако очевидно, что 10 наблюдений для 20 лет (1640-е – 1650-е гг.) и 6 наблюдений для 10 лет (1690-е гг.) совершенно недостаточно для надежных выводов о динамике зарплат и цен за целое столетие на огромной территории. Как показывают более представительные данные (около 900 наблюдений) о динамике цен в 15 крупных торговых центрах России, номинальные хлебные цены с 1640-х по 1690-е гг. понизились на 11% (см. Табл. 22). В таком случае реальная зарплата во второй половине века не изменилась. Кроме того, динамика цен и зарплат в отдельные периоды XVII в. была разнонаправленной: в 1611–1640 гг. хлебные цены понизились в 1,71 раза, в 1641–1670 гг. повысились в 2,1 раза, в 1671–1690 гг. понизились в 3,2 раза, в 1690-е гг. повысились в 1,14 раза. Наконец, в расчете С. А. Нефедова не принято во внимание существенное увеличение тяжести налогового бремени в 1620-е – 1690-е гг. (Нефедов 2005: 111), которое сводило на нет рост зарплат, если бы он имел место. Итак, у нас нет твердых оснований для заключения о повышении реальной зарплат как главной тенденции XVII в.

По расчетам группы А. Л. Шапиро, для XVII в. состояние источников не позволяет рассчитать динамику посевов, урожаев, цен, повинностей даже приблизительно и сделать определенный вывод о том, был ли превышен или хотя бы достигнут докризисный уровень жизни. Относительно центральных районов можно лишь сказать, что размеры запашки на душу населения в течение 1630–1680 гг. *не изменились* (Шапиро 1989: 65–66, 179–185). Таким образом, имеющиеся данные не показывают ни устойчивого массового освоения новых (или ранее заброшенных) земель, ни увеличения предложения продовольствия, ни устойчивого понижения цен и повышения реальной заработной платы и благосостояния. Это не поме-

шало С. А. Нефедову период после 1620-х и до начала XVIII в. отнести к фазе роста.

Сам С. А. Нефедов, как правило, не работает непосредственно с источниками, а заимствует данные у других, но часто делает это некорректно. Например, со ссылкой на Е. И. Колычеву сообщается о запустении пашни в центральных областях в 1560-е гг.: «в вотчинах Успенского монастыря заброшена треть деревень, в Кашинском и Старицком уездах – около половины» (Нефедов 2005: 69). Однако у Е. И. Колычевой приводятся данные по 17 другим монастырям и местностям, в которых доля заброшенных земель находится в интервале от 7,5% до 50% (Колычева 1987: 176–178). С. А. Нефедов берет цифры, близкие к максимальным, потому что это соответствует его представлениям о масштабе кризиса. Далее он сообщает: «В 1570 г. вслед за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивления организма» (Нефедов 2005: 69). Однако чума – острое инфекционное заболевание, для России импортное; заражение происходит через укусы блох и контакт с зараженным животным, а также через воздух от больного человека *независимо от сытости заражаемого* (Безденежных 1981: 290–294).

В другом месте С. А. Нефедову нужно доказать, что в конце XVI в. началась фаза восстановления, и он следующим образом доказывает якобы произошедшее снижение бремени повинностей: «В первой половине XVI века норма барщины составляла 1 десятину с выти в одном поле; в подавляющем большинстве случаев эта норма сохранилась вплоть до 90-х годов. Но количество дворов на выть за это время возросло в 2–3 раза – то есть объем барщины в расчете на двор значительно сократился» (Нефедов 2005: 73). На самом деле в книге *История крестьянства СССР* (Горская 1990: 257), на которую ссылается С. А. Нефедов, указывается на «безусловное увеличение норм барщины (1,5–2 дес. с выти) к концу XVI в.», т.е. в 1,5–2 раза. А монография, на которую он ссылается, говоря об увеличении числа дворов в выти, на самом деле утверждает, что число дворов осталось примерно тем же – 2–3 двора на выть (Тихонов 1974: 157–159).

Явления экономической, социальной и политической истории С. А. Нефедов искусственно привязывает к искусственно сконструированной периодизации. При этом *не устанавливается наличие причинно-следственных или просто функциональных связей между этими явлениями и демографическими циклами*. По сути демографическая, социальная, экономическая и политическая истории живут своей собственной жизнью, а когда интерпретируются в соответствии со структурно-демографической теорией, то просто искусственно втискиваются в прокрустово ложе концепции. Весьма существенно, что для XV – начала

XX в. демографических циклов в смысле увеличения или уменьшения численности населения в России вообще не существовало: согласно наиболее правдоподобным из имеющихся сведений за 400 с лишним лет, число жителей постоянно увеличивалось: 1500 г. – 4,3 млн; середина XVI в. – 6,5 млн; конец XVI – 7,0; 1646 г. – 10,5; 1719 г. – 15,5; 1762 г. – 23,2; 1795 г. – 37,2; 1858 г. – 74; 1914 г. – 178 млн (Водарский 1973: 23–28, 151). В некоторые периоды уменьшался или увеличивался только *прирост*, а не сама *численность* населения. В отдельные годы эпидемий и войн, возможно, число жителей уменьшалось, но надежных сведений об этом нет. Например, для северо-западных и центральных областей в последней трети XVI в. зафиксирована убыль населения, однако в то же время зафиксирован наплыв населения в южные, колонизируемые районы (Колычева 1987: 200–201; Дробижев 1973: 111–113).

В аналогичном ключе сделаны разделы книги, посвященные XVIII – XIX вв. Выводы С. А. Нефедова не могут объединить все имеющиеся данные в непротиворечивую систему. Для этих двухсот лет было характерно быстрое увеличение численности населения: среднегодовой темп прироста составил в 1719–1795 гг. – 0,82%, в 1795–1857 гг. – 0,57% (Кабузан 1963: 165), в 1861–1913 гг. – 1,61%, т.е. в 2 раза больше, чем в XVIII в. и в 2,8 раза выше, чем в первой половине XIX в. (Рашин 1956: 46–47) По утверждению С. А. Нефедова, в целом XVIII век – фаза восстановления, колонизации и роста (Нефедов 2005: 197) и, значит, согласно структурно-демографической концепции, период повышения уровня жизни, снижения цен и ренты. В действительности благосостояние крестьянства и мещанства в этом столетии понижалось, цены и рента стремительно росли, реальная зарплата падала (Миронов 2003а: 15–19; Миронов 2004: 17–30). А в XIX – начале XX в., во время фазы сжатия и кризиса, вопреки мнению С. А. Нефедова, наоборот, уровень жизни повышался, цены росли сравнительно медленно, реальная зарплата в первой половине и конце XIX – начале XX в. повышалась. Увеличение населения в XVIII в. сопровождалось недопотреблением широких народных масс (о чем говорит уменьшение средней длины тела). Однако ухудшение питания не привело к приостановке прироста населения, как следует из структурно-демографической теории. В первой половине XIX в. увеличение населения продолжилось, во второй половине XIX – начале XX в. почти в 3 раза ускорилось, но на этот раз в течение столетия с лишним сопровождалось повышением благосостояния. Таким образом, положение структурно-демографической концепции, согласно которому население увеличивается, когда реальная зарплата растет, а цены падают, и наоборот, население уменьшается, когда реальная зарплата падает, а цены растут (Нефедов 2005: 14) в России не действовало: в XVI – начале XX в. население систематически росло, а цены и зарплата изменялись разнонаправленно.

С. А. Нефедов не соглашается с моими расчетами, показывающими, что бремя налогов в дореформенное время снижалось, по двум основаниям: (1) отсутствуют массовые данные об оброках в конце XVIII в., (2) преувеличена доходность крестьянства в конце XVIII в., ввиду того что их земледельческий доход получен делением всего урожая в губернии на число крестьянских душ. Что касается первого возражения, то информации для расчета среднего оброка в конце XVIII в., которую я заимствовал у И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова, действительно мало. Но при корректном использовании даже этих сведений их вывод о повышении бремени повинностей к середине XIX в. оказался неверным, что и требовалось доказать.

Второе возражение верно только для *барицких* крестьян. Но в моих расчетах речь идет об *оброчной* деревне, где помещики, как правило, не имели запашки. Поэтому общий сбор хлеба на душу населения достаточно правильно отражает обеспечение хлебом *оброчных* крестьян. Допустим далее, что расчет для 1780-х гг. преувеличивает доходы оброчных крестьян. Значит, их действительный доход на начальную дату в 1780-е гг. был меньше расчетного. Но если и при этих завышенных доходах в 1780-е гг. доходы крестьян к 1850-м гг. все равно увеличились, то тогда их положение тем более улучшилось в течение первой половины XIX в. Между прочим, П. Г. Рындзюнский и без всяких поправок не согласился с выводом И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова об обнищании крестьянства в дореформенное время. В пользу моего расчета о повышении благосостояния крестьян говорит и тот факт, что биостатус населения в первой половине XIX в. повышался, как следует из данных о длине тела: с 1791–1795 по 1851–1855 гг. мужчины стали выше на 4,5 см (161,3 см против 165,8 см).

С. А. Нефедов не соглашается и с оценкой средних доходов на 1877–1901 гг. по результатам бюджетных обследований в 13 губерниях, которые охватили 1717 хозяйств с 13,8 тыс. населения, на том основании, что крестьянских бюджетов недостаточно. Я рассчитывал средний доход не по отдельным губерниям, а по 13 губерниям в целом, то есть у меня была одна выборка, включающая 1717 хозяйств с 13,8 тыс. населения. Это *большая* выборка, которая дает достаточно надежный результат, что подтверждается бюджетными данными за 1901 г. по 50 губерниям Европейской России, когда средний доход от сельского хозяйства равнялся 30,30 руб. на душу населения (Анфимов 1964: 489 – 505; Анфимов 1984: 110 – 111), а по 13 губерниям – 31,3 руб., от промыслов по 50 губерниям – 12 руб. (Материалы Комиссии 1903: 219), а по 13 губерниям – 11 руб. Кроме того, при расчете бюджетов за 1877–1901 гг. *выкупные платежи за землю включались в повинности*, что неправильно, так как *ипотечные платежи нельзя считать налогом или повинностью*. Если из повинностей исключить выкупные платежи, то налоговое бремя будет еще ниже. Дефицит крестьянского хозяйства был явлением временным, после полного

выкупа земли в положении крестьян должно было наступить значительное облегчение, что в действительности и произошло после досрочного прекращения уплаты выкупных платежей – к 1913 г. бремя налогов и платежей понизилось на 6%.

Можно легко увеличить число случаев вольного обращения С. А. Нефедова с данными, неточных ссылок, подгонки данных под схему структурно-демографической концепции и несоблюдения принципов статистического анализа. Но думаю, что и приведенных примеров достаточно для того, чтобы полностью согласиться с критикой его выводов, высказанной Л. Е. Грининым, М. А. Давыдовым и С. В. Цирелем.

Итак, приведенные данные и проведенный анализ, на мой взгляд, доказывают, что ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции не применима к российским реалиям, потому что последние не отвечают принципиальным исходным условиям, которые постулируются теорией для ее приложения: *емкость экологической ниши в России не оставалась постоянной на протяжении XV–XX вв., а, напротив, благодаря колонизации более плодородных земель постоянно увеличивалась, обгоняя рост населения.*

Номинальным сторонником структурно-демографической теории в своей книге *Историческая динамика* выступил П. В. Турчин. На шести страницах монографии (Турчин 2007: 254–259) он проверял применимость теории к истории России за тысячу лет, с начала первого тысячелетия и до 1917 г., и, подобно С. А. Нефедову, пришел к выводу, что теория нашла подтверждение (Турчин 2007: 262). Мне трудно с этим согласиться. По-настоящему верифицировать теорию, при отсутствии количественных данных или основываясь на сомнительных сведениях, полученных путем разного рода экстраполяций, догадок и моделей, вряд ли возможно. Поэтому все замечания, сделанные по книге С. А. Нефедова, по большей части относятся и к страницам монографии П. В. Турчина, посвященных России. Но в комментарии к моей дискуссии с С. А. Нефедовым П. В. Турчин делает упор все-таки на перепроизводстве элиты, неоднократно отмечая, что «маловероятно, что отношение крестьянин/земля приближалось к мальтузианскому пределу». Кризис в Киевской Руси, в конце XVI в. и во второй половине XIX. он связывает с ростом численности элит, не приводя, правда, надлежащих цифр, и только во второй половине XIX в., по его мнению, «заработал структурно-демографический механизм» (Турчин 2007: 254–259).

На первый взгляд, П. В. Турчин предлагает новую версию структурно-демографической теории, смещая центр концепции с обнищания и перепроизводства населения на обеднение и перепроизводство элиты как самостоятельный и решающий фактор исторической динамики. По его мнению, кризис социума может вызываться отсутствием согласованности в динамике элиты и ресурсов, а не в динамике населения и ресурсов; он

может провоцироваться также завышенными потребностями элиты, не адекватными возможностям экономики социума. Но в такой постановке проблемы мальтузианского духа в его концепции совсем не остается. Поэтому, на мой взгляд, концепция П. В. Турчина выходит за рамки структурно-демографической теории (его построение чем-то напоминает концепцию циркуляции элит В. Парето), поэтому комментарий к его построениям сделан в специальном параграфе.

Причины революции сквозь призму модернизационной парадигмы

На мой взгляд, историческую динамику последних трехсот лет российской истории лучше объясняет теория модернизации, которая отнюдь не так «смутна и противоречива», как кажется П. В. Турчину или Ч. Тилли. Ее не воспринимают серьезно только те исторические социологи, которые имеют дело с очень длинными периодами, а теория касается только одного конкретного и сравнительно непродолжительного периода в истории европейских стран, XVII–XIX вв., когда, согласно ей, происходил переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Эта трансформация привела к появлению индустриальных технологий и соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих управлять процессом развития общества. Главными признаками модерна являются индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество и рациональный автономный индивид. Процесс модернизации социума шел по всем линиям одновременно или разновременно. Суть политической модернизации состояла в переходе от абсолютизма к конституционной государственности и в передаче политической власти от традиционалистской к модернистской элите. Эта трансформация могла быть мирной, если старая правящая элита поддерживала и реализовывала на практике модернистский проект, или насильственной революционной, если она упорно цеплялась за прошлое, не изменялась, не сотрудничала и не шла на компромисс с контр-элитой (Побережников 2006).

В России модернизация началась при Петре I и осуществлялась традиционной правящей элитой под руководством самодержавия, которое выступало лидером модернизации вплоть до конца XIX в. – до той самой поры, пока не встал вопрос о передаче власти в руки парламента и гражданского общества. «Здоровье» правящего класса поддерживалось его открытостью благодаря социальной мобильности, которая обеспечивала рост численности дворянства в первой половине XVIII в. примерно на 30%, во второй половине XVIII в. – на 40%, в первой половине XIX в. – на 50%. К середине XIX в. «новое дворянство», получившее статус за службу, составляло около 59% сословия, на рубеже XIX–XX вв. – 66% (Миро-

нов 2003б, 1: 133). Когда в 1905 г. самодержавие замешкалось с передачей политической власти представительному учреждению, то общественность мобилизовала население в свою поддержку, апогеем чего явилась октябрьская всероссийская политическая забастовка, и вынудила императора даровать конституцию. По конституции законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту и императору, исполнительная – императору, судебная – независимым судам. В дальнейшем происходила адаптация – не всегда легко и гладко – парламента к реалиям жизни, а политической жизни к парламенту и конституции, что, казалось бы, устраняло объективную потребность в революции. Однако в 1917 г. она все-таки произошла.

В отечественной и зарубежной историографии, если отвлечься от деталей, существует два объяснения ее причин. Первое, получившее название, *оптимистического*, сводится к тому, что Россия в позднеимперский период под влиянием Великих реформ и конституции 1905 г. развивалась достаточно успешно во всех отношениях; для полного успеха ей нужны были только время и мир. Странники данной концепции причину революции 1917 г. видят почти исключительно в Первой мировой войне и порожденных ею трудностях. Согласно второму, *пессимистическому*, объяснению, которое целиком находится в рамках марксистской парадигмы, хотя среди его сторонников не только марксисты, позднеимперская Россия находилась в состоянии глобального системного кризиса. Ее политическая и социальная структура устарела и не поддавалась трансформации; старая элита была недееспособна; население нищало, а огромное неравенство усугубляло проблему бедности; царизм не желал никаких реформ, а те, которые под давлением революции были проведены, стремился ликвидировать или, по крайней мере, затормозить их реализацию. И противники, и сторонники режима для достижения своих целей использовали неправовые методы, включая террор. С точки зрения пессимистов, Первая мировая война послужила только последним толчком, чтобы низвергнуть прогнивший снизу доверху режим (Riasanovsky 1993: 453–455).

Сторонники структурно-демографической теории поддерживают пессимистический вариант развития страны, Н. С. Розов и С. А. Нефедов – полностью, последний даже «обогатил» его наивным мальтузианством, а П. В. Турчин – частично, отказавшись от вульгарного мальтузианства и акцентируя объяснение на перепроизводстве элиты. Моя концепция, близкая к оптимистической, артикулирована в моей книге *Социальная история* и ряде статей. Я солидарен с оптимистами в том, что социально-экономический и политический строй, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. и реформы 1905 г., в основе которого лежали частная собственность, рыночная экономика, развивавшиеся гражданское общество и правовое государство, обеспечивал хорошие возможности для успешного развития России. Новое в моем объяснении

состоит в том, что позитивные сдвиги в экономической, политической и социальной сферах эмпирически подтверждены оригинальными расчетами на новом массовом статистическом материале. Мне впервые удалось показать, что биостатус и жизненный уровень россиян в пореформенное время безусловно повысились, поскольку средний финальный рост и вес мужского и женского населения существенно увеличились, что имущественное неравенство накануне революций было умеренным и не так значительно, как принято думать, что индекс человеческого развития вырос с 0,188 до 0,326, свидетельствуя о всесторонности прогресса в пореформенной России (см. Табл. 20). Увеличение грамотности и средней продолжительности жизни обеспечивалось ростом расходов и инвестиций в человеческий капитал: только за 1885–1913 гг. расходы центрального правительства и местных властей на образование и здравоохранение возросли с 54 до 410 млн руб., а инвестиции – с 1 до 8 млн руб. (Грегори 2003: 146, 147, 155).

Из моих расчетов не следует, что широкие массы российского населения, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они жили по-прежнему небогато, уступая населению западноевропейских стран. Но *уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию – медленно, но верно увеличиваться, обуславливаясь общей благоприятной экономической ситуацией в стране*. Прогресс был бы несомненно большим, если бы крестьяне работали в полную меру своих сил, используя все рабочее время. Но даже в начале XX в. в крестьянском хозяйстве норма напряжения труда, или, по выражению А. В. Чаянова, степень самоэксплуатации – доля рабочих дней в году, не превышала 50% (Чаянов 1989: 237). Например, в течение всего года число рабочих дней, затрачиваемых в своем хозяйстве (без промыслов) одним работником (в переводе на мужчину), в нечерноземных уездах Тамбовской губернии равнялось 83,6 дня, в черноземных уездах – 73,9 дня, в четырех уездах Смоленской губернии – от 70,1 до 102,5 дня; в Волоколамском уезде Московской губернии в сельском хозяйстве занятость в течение года ограничивалась 104 днями, промыслами – 30 днями, в Старобельском уезде Харьковской губернии – соответственно 86 и 16 днями, в Вологодском уезде – 88 и 66 днями (Челинцев 2001: 24; Чаянов 1989: 236).

Жалобы на материальные затруднения, как правило, обуславливались не тем, что нечего было есть, а тем, что *не только материальные, но и духовные потребности обгоняли возможности и что даже в «простом» человеке росло чувство личности и самоуважения* (Миронов 2003б, 2: 287–288). В 1903 г. рабочий П. Тимофеев писал в журнале *Русское богатство*: «Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуважения не были в то время (15 лет назад. – Б.М.) так развиты в русском рабочем, как теперь. Тогда имело значение только одно – заработок... Теперь вместе с

хорошим заработком современный рабочий требует также и хорошего обращения; и достаточно мастеру замахнуться на рабочего рукой или толкнуть его, как мгновенно, как бы от электрического тока, вспыхивает вся мастерская, и пламя ее нередко зажигает весь завод. В летописях русской промышленности последнего времени найдется не мало забастовок и бунтов, первоначальной причиной которых было оскорбление действием рабочего со стороны мастера» (Тимофеев 2000: 775).

Повышение уровня жизни стало возможным благодаря значительному экономическому прогрессу, о темпах которого шла речь выше. Экономическое развитие в пореформенное время ускорило настолько, что несмотря даже на очень большой естественный прирост населения, душевой валовой внутренний продукт увеличивался быстрее, чем в самых больших экономиках мира, а среди западных стран быстрее, чем в Великобритании и Италии (см. Табл. 23):

Табл. 23. Соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) в России и некоторых странах мира, в %

	1820 г.		1870 г.		1913 г.	
	<i>ВВП</i>	<i>ВВП на д.н.</i>	<i>ВВП</i>	<i>ВВП на д.н.</i>	<i>ВВП</i>	<i>ВВП на д.н.</i>
Россия	100	100	100	100	100	100
Россия/Китай	16,5	114,8	42,1	177,9	96,3	269,6
Россия/Индия	83,8	129,3	62	176,9	113,8	221,1
Россия/Япония	182,1	103,0	329,1	128,0	324,1	107,3
Россия/Италия	167,6	61,7	200,0	62,9	243,3	68,0
Россия/Франция	98,2	56,0	116,0	50,3	160,8	42,6
Россия/Германия	143,3	65,1	117,1	51,8	97,9	40,8
Россия/Великобритания	104,1	40,4	83,4	29,5	103,5	30,2
Россия/США	301,6	54,8	85,0	38,6	44,9	28,1
Россия/8 стран	154,4	78,1	141,8	89,5	155,5	101,0

* Россия в границах бывшего СССР.

Источник: Maddison 2001: 261, 264.

Не только промышленность, но и сельское хозяйство прогрессировало так же быстро, как в Европе в целом, адекватно обеспечивая крестьян продовольствием, о чем говорят данные о продукции, оставленной ими для домашнего потребления (см. Табл. 24):

Табл. 24. Сельскохозяйственная продукция, не поступившая на рынок (млн руб. в ценах 1913 г.)

Годы		1886-1890	1891-1895	1896-1900	1901-1905	1906-1910	1911-1913
Население	млн	114,8	121,6	128,4	139,2	153,2	167,7
Зерновые продукты	млн руб.	1098	1369	1648	2045	2033	2654
	руб. на д.н.	9,6	11,3	12,8	14,7	13,3	15,8
Мясные продукты	млн руб.	465	470	560	579	615	700
	руб. на д.н.	4,0	3,9	4,4	4,2	4,0	4,2
Технические культуры	млн руб.	129	157	191	189	221	239
	руб. на д.н.	1,1	1,3	1,5	1,4	1,4	1,4
Молочные продукты	млн руб.	725	754	899	920	1017	1120
	руб. на д.н.	6,3	6,2	7,0	6,6	6,6	6,7
Остальные продукты	млн руб.	628	716	864	978	1018	1235
	руб. на д.н.	5,5	5,9	6,7	7,0	6,6	7,4
Всего	млн руб.	3045	3466	4162	4711	4904	5948
	руб. на д.н.	26,5	28,5	32,4	33,8	32,0	35,5

Подсчитано по данным: Грегорі 2003: 138.

Успешная, а не провальная, как утверждалось в советской историографии, Столыпинская реформа, устраняя институциональные помехи для развития сельского хозяйства в виде общины, чересполосицы, принудительного севооборота, создавала самые благоприятные условия для его ускорения.

Политическое развитие страны после Великих реформ было особенно успешным. Российское общество быстро эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стало таковым. Был создан механизм принятия политических решений, в котором участвовали представители общества, функционировала свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи общественных организаций – налицо были все элементы гражданского общества (Миронов 2003б, 2: 257–270). Если в середине XIX в. добровольных обществ (благотворительных, религиозных, студенческих организаций, клубов и др.) насчитывалось нескольких десятков, то накануне Первой мировой войны – мно-

го больше 5 тысяч (точная цифра неизвестна). В одной Москве в 1912 г. действовало более шестисот ассоциаций, в Петербурге в 1917 г. – около пятисот (Миронов 2008). В добровольные общества было вовлечено около 5% совершеннолетнего мужского городского населения.

Именно большие и неоспоримые успехи российского социума обусловили возникновение в стране сильного гражданского общества, способного бросить вызов старой элите и государству. Вел. кн. Александр Михайлович так выразил эту мысль: «Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах» (Романов 1991: 162–163). *Истинные причины русских революций лежали не в мальтузианском кризисе в низах или верхах, а в политической и культурной сферах.*

Непосредственная причина революции заключалась в борьбе за власть между разными группами элит: контр-элита в лице лидеров либерально-радикальной общественности хотела сама руководить модернизационным процессом, который почти непрерывно проходил в России в период империи, и на революционной волне отнять власть у старой элиты – романовской династии и консервативной бюрократии. Верховная власть и правительство так именно и понимали цели оппозиции. По определению начальника канцелярии министра двора в 1900–1916 гг. А. А. Мосолова, «так называемая интеллигенция – люди, не достигшие власти, но чающие ее захвата. Для этой категории лиц прямой исход – революция... Царь был убежден, что вся крамола – наносное явление, явившееся следствием властолюбивой интеллигенции» (Мосолов 1992: 174, 178–179).

Революция готовилась и организовывалась оппозиционной к существующему режиму общественностью – контр-элитой. Именно она создала в стране *атмосферу* экономического и политического кризиса, подготовила почву для революции и вывела народ на улицы в решающий момент, воспользовавшись недовольством всех слоев населения, вызванными бедствиями войны. Подозрение в подготовке и организации февральских событий 1917 г. оппозицией неоднократно высказывалось современниками. А. Ф. Керенский писал в своих мемуарах о том, что под руководством А. И. Гучкова готовился дворцовый переворот, назначенный на середину марта 1917 г. (Керенский 1993: 105–107). О подготовленности февральских событий свидетельствовал последний царский петроградский градоначальник генерал А. П. Балк (Бортневский, Черняев 1994: 26–28).

«Подготовка к революционной вспышке весьма деятельно велась – особенно с начала 1917 года, – в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона», – утверждал, например, П. Н. Миллюков. Предположительно либо Министерством иностранных дел Германии через большевиков, либо российской полицией. По его мнению, направляющая рука чувствовалась и в организации самого переворота: «Руководящая рука, несомненно, была, только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий». Но «закулисная работа по подготовке революции так и осталась за кулисами... Здесь мы касаемся самого темного момента в истории русской революции. Будущий историк прольет свет и на эту сторону дела; современнику остаются только догадки» (Миллюков 2001: 37, 39). Петербургский исследователь С. В. Куликов нашел новые данные, подтверждающие предположение, что в ходе февральских событий был реализован план, разработанный руководителями Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) – лидером партии октябристов, председателем Бюро ЦВПК А. И. Гучковым и его и его соратниками по ЦВПК: левым кадетом Н. В. Некрасовым, прогрессистами А. А. Бубликовым, А. И. Коноваловым, М. М. Федоровым и беспартийным М. И. Терещенко, примыкавшим к прогрессистам. Это позволяет с большим основанием, чем прежде, предположить, что *падение царизма явилось не столько результатом стихийного движения снизу, сколько результатом революции сверху*, хотя в Февральской революции участвовали Дума, социалисты, масоны, рабочие и солдаты; и она несомненно включала стихийные проявления (Куликов 2007: 117–185).

Проблему перепроизводства элиты, ее дифференциации, возникновения контр-элиты и борьбы со старой элитой следует перевести из плоскости недостатка ресурсов или борьбы за физическое выживание в плоскость борьбы за власть между разными группами элит, что является неперенным спутником любого государства, не исключая тех, которые называются современными демократиями, где переход власти от одной группировки к другой институционализирован и введен в цивилизованные процедуры. С. В. Куликов при объяснении происхождения и причин революции использовал разработанную итальянским социологом Б. Парето теорию элит. Согласно ей революции происходят тогда, когда старая правящая элита обновляется чересчур медленно, вследствие чего в высших слоях накапливаются элементы, олицетворяющие бессилие, разложение и упадок, а в низших – скапливаются индивиды, превосходящие их своими достоинствами. Смысл революции состоит в обновлении состава правящей элиты и в восстановлении таким способом общественного равновесия (Осипова 2004; Парето 2007).

Согласно Б. Парето, революция происходит тогда, когда правящий класс не может разрешить социально-экономические проблемы,

возникающие в ходе общественной практики. Какие же это были проблемы?

Политическая проблема. В начале XX в. либерально-радикальная интеллигенция желала захватить всю полноту власти и управлять страной. Вполне возможно, что в мирное время это получилось бы у нее лучше, чем у старой элиты. Но когда ей такая возможность представилась в 1917 г., во время войны, она не справилась с задачей управления.

Аграрный вопрос. Крестьянство страдало от малоземелья и требовало экспроприировать частновладельческую землю, принадлежавшую некрестьянам, и таким простым способом удовлетворить свои возросшие материальные потребности. Их желания поощрялись и поддерживались важнейшими политическими партиями. Однако реализация «черного передела» в конце 1917–1918 г. проблему не решила. В среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе повышение благосостояния могла обеспечить только агротехническая революция, что требовало времени и огромных средств. Но именно на этот путь встало царское правительство, приняв за основу своей политики с 1907 г. Столыпинскую аграрную реформу.

Рабочий вопрос. Рабочие хотели более быстрого роста доходов, сокращения рабочего дня и полного социального пакета - медицинской страховки, защиты от безработицы, травматизма и т.д., что в полной мере удовлетворить при существовавшем в то время уровне производительности труда было невозможно. С 1880-х гг. царское правительство вступило на путь улучшения положения рабочих правовым путем. Это был разумный и прагматичный путь, который в конечном итоге привел бы к возникновению социального государства с рыночной экономикой.

Национальный вопрос. Централизация, унификация управления, суда и законов, а также экономическая интеграция в России, как и везде, приходили в столкновение с ростом национализма. Модернизация империи натолкнулась на национализм и сама по себе способствовала его росту. Национальные движения требовали как минимум культурную автономию, многие боролись за отделение от России. Эти требования выполнялись в ограниченной степени. Однако их полное удовлетворение привело бы к распаду России, что и случилось после Октября 1917 г.

Социальное и экономическое неравенство, о котором подробно говорилось выше, и *культурный раскол общества*. Российское культурное и социальное пространство, если несколько огрубить действительность, было расколото на две части в соответствии как с местом жительства, так и с социальной принадлежностью: крестьяне и городские низы, с одной стороны, дворянство, буржуазия и интеллигенция, – с другой. Это обнаружилось уже в конце XVIII в. и со временем раскол не уменьшался, если не увеличивался. А. Гакстгаузен, много лет изучавший Россию не

только по книгам, но и в ходе полевых исследований, или путешествий, имел все основания написать в 1847 г.: «С XVI столетия Россия значительно сблизилась с Западной Европой. В последние 140 лет в России сильно распространилась европейская цивилизация. Высшие классы получают западноевропейское воспитание и образование; все государственные учреждения заимствованы с Запада. Законодательство приняло не только характер, но и форму европейских законодательств; но все это отразилось только на высших классах. Западная цивилизация не проникла в нижние слои русского народа, в его нравы и обычаи; его семейная и общинная жизнь, его земледелие и способ поземельного владения сохранились вне всякого влияния иноземной культуры, законодательства и почти вне правительственного вмешательства. Но благодаря различию в образовании верхних и нижних слоев русского народа образованное сословие утратило всякое понимание сельских народных учреждений» (Гакстгаузен 1870: XVI–XVII).

Особо выделим *военные поражения*. Начиная с русско-японской войны Россию преследовали военные неудачи. Во время Первой мировой войны они чередовались с победами, но поражений, к сожалению, было больше. Модель войны-легитимности Р. Ханнемана и соавторов хорошо объясняет последствия неудач. Согласно ей, стремление правящего класса начать внешний конфликт прямо пропорционально разности между желаемым уровнем легитимности и ее текущим значением. Изменение в престиже и легитимности правящего класса пропорционально военному успеху или поражению. Победа сопровождается ростом патриотизма, престижа и легитимности, поражение, наоборот, их падением. Требуется в среднем победа или поражение в трех поочередных войнах, чтобы легитимность государства и правящего класса существенно изменилась (Турчин 2007: 63–64). В России император олицетворял государство и правящий класс, поэтому поражение в двух войнах подряд в течение 14 лет сильно ударило по престижу не только государства, правящей элиты, но и самого монарха. Неудачная для России Первая мировая война распатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с большим трудом, удерживались в определенных границах, а также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях войны и агитировать в пользу революции.

Подведем итоги

Следует отличать мальтузианский кризис от других видов кризиса – экономического, политического, социального или экологического, которые внешне могут быть похожи на мальтузианский, или экзистенциальный, кризис, но на самом деле таковыми не являются. Мальтузианский кри-

зис – это прежде всего *демографический* кризис, вызванный *опережающим темпом роста населения* сравнительно с ресурсами. Другими словами, это *ресурсный* кризис, вызванный стихийным, т.е. не контролируемым обществом и индивидом, естественным приростом населения. С точки зрения мальтузианства, главные причины периодического обострения нужды и бедности две: высокая рождаемость и закон падающей производительности земли. Недостаток ресурсов, вызванный экономическими факторами (например, финансовым или экономическим кризисом), политическими (перекачка ресурсов из потребления на оборону, реформы, экспансию, дорогостоящие войны и т.п.), социальными (перераспределение ресурсов в пользу элиты, уничтожение ресурсов во время бунтов, восстаний, революций) или экологическими факторами (природные катастрофы, похолодание или потепление климата и т.п.) являются экономическим, политическим, социальным или экологическим кризисом, но не мальтузианским кризисом.

Проведенный анализ приводит нас к выводу, что Россия в XV – начале XX в. не попадала в мальтузианскую ловушку, во всяком случае на сколько-нибудь продолжительное время. Более того, ни классическая мальтузианская теория, ни ее новая версия в форме структурно-демографической концепции не применимы к российским реалиям, потому что последние не отвечают принципиальным исходным условиям, которые постулируются теорией для ее приложения: *емкость экологической ниши в России не оставалась постоянной на протяжении XV–XX вв., а, напротив, благодаря колонизации плодородных земель постоянно увеличивалась, обгоняя рост населения*. Более того, последний был благом для России, так как позволил колонизовать огромные территории и стать великой державой с точки зрения численности населения, ресурсов, военной и экономической мощи. Без 35-кратного роста населения и 8-кратного увеличения территории за 1550–1913 гг. Россия осталась бы небольшой и отсталой европейской страной, каковой она и была в действительности до XVI в., и никаких серьезных достижений в области литературы, искусства, науки и технологии ожидать от нее не приходилось бы, как нельзя было бы рассчитывать и на высокий уровень жизни ее граждан.

Начиная с реформ Петра I Россия вступила в процесс *непрерывной форсированной глобальной модернизации*, продолжавшейся до октября 1917 г., в ходе которой страна органически и на паритетных основаниях вошла в мировую политическую и экономическую систему. Мы имеем основание говорить *о двухвековом гиперцикле в развитии страны*¹². Модернизация происходила отчасти спонтанно под влиянием внутренних потребностей и изменений в мире, но главным образом целенаправленно:

---

¹² Идею гиперцикла в хозяйственном развитии страны на протяжении XIX–XX вв. высказал В. Т. Рязанов (1998: 128–136).

она поддерживалась правящим классом, направлялась и стимулировалась верховной властью, которая в своей политике ориентировалась на передовые страны и стремилась приблизить к ним Россию по уровню развития. Выдающаяся роль государства в процессе модернизации компенсировала не только недостаток инициативы со стороны народа, часто не понимавшего (вследствие низкого уровня общей культуры) необходимость реформ и не желавшего их проводить, но и дефицит капитала, образования и культуры, и потому служила тем необходимым рычагом, с помощью которого проходило реформирование страны.

Российские революции начала XX в. были рукотворными. Их организовала либерально-радикальная интеллигенция – контр-элита. В борьбе за власть она привлекла на свою сторону народ, без поддержки которого не имела сил свергнуть монархию. А вот размах потрясений и масштаб перемен, вызванный революцией, был порожден комплексом социальных, экономических и культурных факторов. При благоприятном стечении обстоятельств, на мой взгляд, все насущные проблемы могли быть решены мирным путем, без тяжелейших разрушений и миллионов жертв.

Библиография

- Анфимов А. М. 1964.** Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901 – 1912 гг.). *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.* Минск. Минск: Наука и техника.
- Анфимов А. М. 1984.** *Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881 – 1904 гг.* М.: Наука.
- Базелер У., Сабов З., Хайнрих Й., Кох В. 2000.** *Основы экономической теории: принципы, проблемы, политика: Германский опыт и российский путь.* СПб.: Питер.
- Безгин В. Б. 2004.** *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века).* Тамбов: Издательство Тамбовского государственного технического университета.
- Безденежных И. С. 1981.** *Эпидемиология.* 4-е изд. М.: Медицина.
- Беккер С. 2004.** *Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России.* М.: НЛО.
- Бортневский В. Г., Черняев В. Ю. 1991.** (Ред.). Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. *Русское прошлое.* Кн. 1.
- Брут А. 1850–1853.** *Учебная статистика или этнографико-статистическое обозрение пяти первоклассных держав Европы (до 1848 года), с краткою теориею статистики.* СПб.: В. Терсков.
- Булгаков С. Н. 2000.** Капитализм и земледелие. *Антология социально-экономической мысли в России: дореволюционный период.* СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института.
- Вишневский А. Г., Волков А. Г. 1983.** (Ред.). *Воспроизводство населения СССР.* М.: Финансы и статистика.

- Водарский Я. Е. 1973.** *Население России за 400 лет (XVI-начало XX в.)*. М.: Просвещение.
- Гакстгаузен А. 1870.** *Исследования внутренних отношений народной жизни в особенности сельских учреждений России*. М.: А. И. Мамонтов. Т. 1.
- Гаман-Голутвина О. В. 2006.** *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. М.: Росспэн.
- Гладков И. А. 1979. (Ред.)**. *История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1. Советская экономика 1917–1920 гг.* М.: Наука.
- Города России. 1906.** *Города России в 1904 году*. СПб.: Н. Л. Ныркин.
- Горская Н. А. 1990. (Ред.)**. *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма*. М.: Наука.
- Грегори П. 1903.** *Экономический рост Российской империи (конец XIX-начало XX в.): Новые подсчеты и оценки*. М.: Росспэн.
- Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. 1973.** *Историческая география СССР*. М.: Высшая школа.
- Дроздов И. Г. 1930.** *Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября*. Л.: Прибой.
- Дубровин Н. Ф. 2007.** *Русская жизнь в начале XIX века*. СПб.: Издательство ДНК.
- Ежегодник России. 1910.** *Ежегодник России 1909 г.* СПб.: ЦСК МВД.
- Ефимова М. П., Бычкова С. Г. 2004.** *Социальная статистика*. М.: Финансы и статистика.
- Жиромская В. Б. 1999. (Ред.)**. *Всероссийская перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия*. СПб.: Блиц.
- Зайончковский П. А. 1978.** *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль.
- Защук И. И. 1913.** *Содержание офицеров и врачей*. СПб.: В. Березовский.
- Зубков И. В. 2008.** *Учительская интеллигенция России в конце XIX-начала XX в.* Автореф. ... канд. ист. наук. М.: МГПУ.
- Иванов А. Е. 1991.** *Высшая школа России в конце XIX-начале XX века*. М.: Институт российской истории РАН.
- История советского крестьянства. 1986.** Т. 1. *Крестьянство в первое десятилетие Советской власти: 1917–1927*. М.: Наука.
- Кабузан В. М. 1963.** *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (по материалам ревизий)*. М.: Издательство АН СССР.
- Керенский А. Ф. 1993.** *Россия на историческом повороте: Мемуары*. М.: Республика.
- Кирьянов Ю. И. 1979.** *Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.)*. М.: Наука.
- Книпович Б. Н. 1920.** *Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920)*. М.: Гос. изд.
- Кольчева Е. И. 1987.** *Аграрный строй России XVI века*. М.: Наука.
- Кольб Г. Ф. 1862.** *Руководство к сравнительной статистике*. СПб.: Н. Тиблен.
- Копанев А. И., 1959.** *Население Русского государства в XVI в. Исторические записки 64*.
- Корелин А. П. 1979.** *Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация*. М.: Наука.

- Корелин А. П. 1995.** (Ред.). *Россия: 1913 год: Статистико-документальный справочник*. СПб.: Блиц.
- Крузе Э. Э. 1976.** *Положение рабочего класса России в 1904–1914 гг.* Л.: Наука.
- Куликов, С. В. 2007.** «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы. *Нестор*. 11: *Смена парадигм: Современная русистика*. СПб.: Нестор-история.
- Мальтус Т. 1993.** Опыт о законе народонаселения. 5-е изд. (1817 г.). *Антология экономической классики*. М.: Эконов.
- Масионис Дж. 2004.** *Социология*. СПб.: Питер.
- Материалы Комиссии. 1903.** *Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями России*: В 3 ч. СПб.: П. П. Сойкин. Ч. 1.
- МВД. 1911.** *Министерство внутренних дел: Выборы в Государственную Думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства*. СПб.: Типография МВД.
- Мялюков П. Н. 2001.** *История второй русской революции*. М.: Росспэн.
- Миронов Б. Н. 1978.** Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности. *Проблемы аграрной истории (XIX – 30-е годы XX в.)* / Ред. В. Л. Янин. Минск: Наука и техника. Ч. 2.
- Миронов Б. Н. 1985.** *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.)*. Л.: Наука.
- Миронов Б. Н. 1991.** *История в цифрах: Математика в исторических исследованиях*. Л.: Наука.
- Миронов Б. Н. 2003а.** Вперед к крепостничеству! Цены и зарплата в Петербурге за три века. *Родина* 7.
- Миронов Б. Н. 2003б.** Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин.
- Миронов Б. Н. 2004.** Антропометрический подход к изучению благосостояния населения России в XVIII веке. *Отечественная история* 6.
- Миронов Б. Н. 2008.** Добровольные ассоциации и гражданское общество в поздней имперской России. *Журнал социологии и социальной антропологии* 3.
- Миронов Б. Н. 2009.** О чем говорит рост человека: возможности, состояние и перспективы исторической антропометрии для понимания динамики исторического процесса. *Проблемы математической истории: Основания, информационные ресурсы, анализ данных* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: Издательство ЛКИ.
- Миронов Б. Н. 1994.** Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках. *Отечественная история* 4–5.
- Мосолов А. А. 1992.** *При дворе последнего императора*. СПб.: Анкор.
- Мэнкью Н. Г. 2001.** *Принципы экономики*. СПб. и др.: Питер.
- Народное хозяйство. 1959.** *Народное хозяйство СССР в 1958 году: Статистический ежегодник*. М.: Госстатиздат.
- Нефедов С. А. 2005.** *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: УГГУ.

- О земле. 1921.** *О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства.* М.: Гос. изд. Вып. 1.
- Обручев Н. Н. 1867. (Ред.).** *Военно-статистический сборник на 1868 год. 1: Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и прочие государства Германии.* СПб.: Военная типография.
- Опыт исчисления народного дохода. 1906.** *Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России.* СПб.: П. П. Сойкин.
- Осипова Е. В. 2004.** *Социология Вильфредо Парето: политический аспект.* СПб.: Алетейя.
- Отчет МНП [за ... год].** *Всепогоднейший отчет министра народного просвещения за [1879–1913] год.* СПб.: Сенатская типография, 1883–1916.
- Отчет по тюремному управлению. 1905.** *Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 год.* СПб.: Типолиитография С.-Петербургской тюрьмы.
- Отчет Синода [за ... год].** *Всепогоднейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за [1866–1913] год.* СПб.: Синодальная тип., 1867–1916.
- Парето В. 2007.** *Компендиум по общей социологии.* М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Первушин С. А. 1925.** *Хозяйственная конъюнктура: Введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека.* М.: Экономическая жизнь.
- Пискунов А. И. 1976. (Ред.).** *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.).* М.: Педагогика.
- Побережников И. В. 2006.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации.* М.: Росспэн.
- Подходный налог. 1910.** *Подходный налог: Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году: Материалы к проекту положения о государственном подходном налоге.* СПб.: Н. Я. Стойкова.
- Покровский А. А. 1968.** *О питании.* 2-е изд. М.: Экономика.
- Покровский В. И. 1902. (Ред.).** *Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России.* СПб.: М. П. Фролова.
- Покровский С. А. 1947.** *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России.* М.: Международная книга.
- Потолов С. И. 1963.** *Рабочие Донбасса в XIX веке.* М.: Издательство АН СССР.
- Рашин А. Г. 1956.** *Население России за 100 лет.* М.: Госстатиздат.
- Рашин А. Г. 1958.** *Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки.* М.: Соцэкгиз.
- Романов Александр Михайлович (вел. кн.). 1991.** *Книга воспоминаний.* М.: Современник.
- Рос. ежегодн. 1997.** *Российский статистический ежегодник: Стат. сб.* М.: Госкомстат.
- Рос. ежегодн. 2007.** *Российский статистический ежегодник: Стат. сб.* М.: Госкомстат.
- Рубакин Н. А. 1912.** *Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства (На основании официальных и научных исследований).* СПб.: Вестник Знания.

- Рязанов В. Т. 1998.** *Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.* СПб.: Наука.
- Святловский В. В. 1911.** *Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.)*. СПб.: Тип. Акционерного общества типографского дела.
- Стат. сб. 1921.** *Статистический сборник за 1913–1917 гг.* М.: 14-я гос. типография. Вып. 1.
- Статистика произведений печати. 1915.** *Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году*. СПб.: Тип. Министерства внутр. дел.
- Степанов В. В. 1905. (Ред.)** *Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин.
- Тимофеев П. 2000.** *Чем живет заводской рабочий. Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период* / Ред. А. И. Кравченко. СПб.: Издательство Христианского гуманитарного института.
- Тихомиров М. Н. 1955. (Ред.)** *История Московского университета*. М.: Издательство Московского университета. Т. 1.
- Тихонов, Ю. А. 1974.** *Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII – начале XVIII в.* М.: Наука.
- Тройницкий Н. А. 1905. (Ред.)** *Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин. Т. 1.
- Турчин П. В. 2007.** *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. М.: Издательство ЛКИ.
- Урланис Б. Ц. 1941.** *Рост населения в Европе: (статистические исчисления)*. М.: Госполитиздат.
- Чаянов А. В. 1989.** *Крестьянское хозяйство: Избранные труды*. М.: Экономика.
- Челинцев А. Н. 2001.** *Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Антология социально-экономической мысли в России: 20–30-е годы XX века*. М.: Academia.
- Численность рабочих. 1906.** *Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.* СПб.: Н. Л. Ныркин.
- Чудинов А. В. 2007.** *Французская революция: История и мифы*. М.: Наука.
- Чуркина Н. И. 2008.** *Историческая география педагогического образования Западной Сибири. Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.)* / Ред. В. А. Зверев. Новосибирск: ГОУ ВПО НГУ.
- Шапиро А. Л. 1974. (Ред.)** *Аграрная история Северо-запада России XVI века: Новгородские пятины*. Л.: Наука.
- Шапиро А. Л. 1989. (Ред.)** *Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)*. Л.: Наука.
- Эк. расслоение. 1922.** *Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.* М.: Мосполиграф.
- Freeze G. L. 1983.** *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Hellie R. 1999.** *The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Historical Statistics. 1975.** *Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970*. Washington, DC: U. S. Department of Commerce. Vol. 1.
- Lejeune A. 1894.** *Monnaies, poids et mesures des principaux pays du monde*. Paris: Berce-Levrault.
- Maddison A. 2001.** *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- Mulhall M. G. 1892.** *Dictionary of Statistics*. London: Routledge.
- Nove A. 1991.** *An Economic History of the USSR: 1917–1991*. London: Penguin.
- Riasanovsky N. V. 1993.** *A History of Russia*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press.
- Stat. Abstr. 1988.** *Statistical Abstract of the United States. 1988*. Washington, DC: U.S. Department of Commerce and Bureau of the Census.